ВЕКТОР НАУКИ Тольяттинского государственного университета

Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 1 (56)

2024

16+

Ежеквартальный научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор
Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:
Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент
Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор
Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор
Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент
Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: https://vektornaukipravo.ru

Подписано в печать 29.03.2024.
Выход в свет 17.06.2024.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,2.
Тираж 25 экз. Заказ 3-103-24.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

© ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», 2024

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор
Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора
Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции,
профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
(Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
(Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
(Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
(Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия),
судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника по научной работе
(Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
(Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного регулирования
(Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
(Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент,
директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований,
профессор кафедры теории и истории государства и права
(Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса
(Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные интересы и их охрана в цивилистическом судопроизводстве
Михайлова Е.В. ……..……..……..……..……..……..…….....**5**

Особенности перемещения дипломатическими представителями оружия через таможенные границы на примере США и России
Романова В.В., Моисеева В.Ю. …..…….....……..……..……..……..……..……..…**13**

Нетипичные формы государственного устройства: на примере империи
Сквозников А.Н. ……..…...…....……..……..……..……**20**

Влияние правового менталитета на тип уголовного судопроизводства России
Шестакова Л.А. ……...……..……**28**

НАШИ АВТОРЫ……**35**

CONTENT

National interests and their protection in civil proceedings
Mikhailova E.V. ……...……..…….**5**

Features of the movement of weapons across customs borders by diplomatic representatives using the example of the USA and Russia
Romanova V.V., Moiseeva V.Yu. …….…….…….…….……..**13**

Atypical forms of state structure: the example of an empire
Skvoznikov A.N. ……...…….……...……**20**

The influence of legal mentality on the type of criminal proceedings in Russia
Shestakova L.A. ……...……..……...…….....**28**

OUR AUTHORS……**35**

УДК 34 (075.8)
doi: 10.18323/2220-7457-2024-1-5-12

Национальные интересы и их охрана в цивилистическом судопроизводстве

© 2024

Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент,
исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права, главный научный сотрудник
Институт государства и права РАН, Москва (Россия)

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 11.01.2024 *Принята к публикации 06.03.2024*

Аннотация: В порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства рассматривается множество дел, в которых одним из объектов защиты выступают государственные (национальные) интересы. В работе приводятся доказательства того, что целый ряд правоотношений, урегулированных Гражданским кодексом Российской Федерации, имеют публично-правовой характер. При этом споры, возникающие из этих отношений, разрешаются по правилам искового производства в гражданском и арбитражном процессе. Автор доказывает, что государство, выступая как участник гражданских правоотношений, тем не менее реализует публично-правовые функции, обеспечивая национальные интересы. При этом в процессуальном законодательстве отсутствуют специальные правила, направленные на защиту этих интересов. Разработан подход к пониманию природы национальных интересов, в числе которых отдельно названы закрепленные указом Президента Российской Федерации традиционные духовно-нравственные ценности. На основе анализа правовых позиций Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации, доктрины гражданского и арбитражного процесса, административного судопроизводства дифференцированы частноправовые и публично-правовые конфликты. Предложены конкретные процессуальные механизмы защиты национальных интересов в цивилистическом судопроизводстве: расширение процессуальных полномочий суда при рассмотрении дел с участием государства (выход за пределы заявленных требований и доводов сторон, истребование по собственной инициативе доказательств); расширение функций прокурора в сфере гражданской процессуальной юрисдикции (в частности, наделение его правом подавать заявление в защиту прав и интересов военнослужащих); закрепление специальных процессуальных обязанностей органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц как участников гражданского и арбитражного судопроизводства. Предложено также запретить заключение мировых соглашений в делах с участием государства.

Ключевые слова: национальные интересы; цивилистическое судопроизводство; публичный интерес; публичное и частное правоотношение; исковое производство; государство как сторона в деле; правовой статус суда; функции прокурора; мировое соглашение.

Для цитирования: Михайлова Е.В. Национальные интересы и их охрана в цивилистическом судопроизводстве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-5-12.

ВВЕДЕНИЕ

Защита национальных интересов российского государства сегодня – это приоритетная задача, выполнение которой невозможно без совершенного процессуального механизма. Как известно, защита любого нарушенного или оспариваемого права, законного интереса осуществляется в рамках соответствующей процессуальной формы, призванной обеспечить правильное и своевременное разрешение правового конфликта. Существенное нарушение требований процессуального законодательства при рассмотрении дела влечет отмену решения как незаконного даже при условии, что оно является правильным по существу. Пленум Верховного суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) указал, что решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права[1].

Согласно общепринятому подходу, каждому нарушенному праву соответствует судопроизводство, в порядке которого оно защищается. Так, уголовные права подлежат защите и восстановлению в рамках уголовного судопроизводства, гражданские – гражданского судопроизводства. Однако гражданское законодательство крайне обширно. Сюда, помимо Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), включается целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих отдельные виды правоотношений: складывающиеся в сфере осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; в области реализации права на труд; в земельных, семейных, авторских, патентных и иных правоотношениях. И все эти правоотношения так или иначе имеют в своей основе не только частный, но и публичный интерес.

Начать надо с того, что само понятие «цивилистический процесс» требует пояснений. В сфере гражданской юрисдикции, под которой понимаются все правоотношения, кроме уголовных, государственная защита нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов осуществляется в рамках гражданского, арбитражного, административного и конституционного

[1] *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23: редакция от 23.06.2015 «О судебном решении».*

судопроизводств. Это закреплено в ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации.

Административное судопроизводство на этом основании относится нами к области гражданско-процессуальной юрисдикции, а административно-правовые отношения не выделяются в третий, самостоятельный блок правоотношений (наряду с гражданскими и уголовными), что направлено на регулирование порядка рассмотрения и разрешения не только административных, но и иных публично-правовых отношений. Согласно правовой позиции Пленума ВС РФ, дела публично-правовой природы характеризуются отсутствием равенства участвующих в них субъектов, один из которых наделен властными полномочиями по отношению к другому и реализует их в рамках соответствующего правоотношения[2]. Этот подход вполне согласуется с мнением В.М. Хвостова, который указывал, что интересы, носителем которых является государство в целом, – это публичные интересы, а правовые нормы, регулирующие их реализацию, – нормы публичного права. Напротив, интересы, носителями которых являются частные лица, и, соответственно, нормы права, их регулирующие, – это право гражданское (частное)[3].

Конституционный суд РФ указал, что правовое положение участников гражданского оборота характеризуется равенством, автономией воли и имущественной самостоятельностью его участников, а также недопустимостью произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Такой порядок, установленный Конституцией РФ, необходим для того, чтобы соблюдался баланс конституционно защищаемых ценностей[4].

Следует особо подчеркнуть, что «вертикальность» публично-правовых отношений, наличие у одного из субъектов прав, а у другого – лишь обязанностей, «принудительность» этих отношений – вот основные, сущностные черты их отличия от отношений частноправового характера. Рассуждения о том, что, например, по договору займа у одного лица тоже возникают лишь права, а у другого – обязанности [1], нельзя признать состоятельными по той причине, что договор займа лица заключают добровольно, в то время как публично-правовые отношения возникают вне зависимости от согласия лица на это. Поэтому, безусловно, прав был Е.А. Нефедьев, писавший, что «отличие властеотношения от правоотношения состоит в следующем: создавая правоотношение, объективное право разграничивает интересы лиц равных друг другу; регулируя же властеотношение, право имеет перед собою лиц, из которых воля одного (подчиненного) является как ничто в сравнении с волей другого (властвующего)»[5].

Правоотношения, складывающиеся в связи с реализацией ряда норм, например, семейного, трудового, земельного, патентного, пенсионного законодательства, являются не частноправовыми, а публично-правовыми. Так, авторы справедливо указывают на публичный характер законных интересов в трудовом праве [2]. В этом смысле позиция Пленума ВС РФ вступает в определенное противоречие с положением ч. 3 ст. 2 ГК РФ, согласно которому к имущественным положениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется, если законом не установлено обратное. Так, отношения, возникающие в ходе реализации ст. 279 ГК РФ, в связи с изъятием земельного участка для государственных или муниципальных нужд, имеют ярко выраженную публично-правовую природу, поскольку: решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд принимается органами публичной власти без согласования с его собственником (ч. 3 ст. 279 ГК РФ); правообладатель изымаемого земельного участка просто ставится в известность о принятом решении о его изъятии для государственных или муниципальных нужд (ч. 5 ст. 279 ГК РФ); если правообладатель земельного участка не согласен с его изъятием или условиями изъятия, участок изымается по решению суда (ч. 6 ст. 279 ГК РФ). При этом важно, что споры, возникающие в ходе изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд, рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, по правилам искового производства, предназначенного, как известно, для разрешения частноправовых споров.

Итак, можно констатировать, что как в административном судопроизводстве, так и в гражданском суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают как частноправовые, так и публично-правовые дела. Что касается арбитражных судов, то вплоть до настоящего времени в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) существует Раздел 3, посвященный производству по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Именно в силу указанных обстоятельств цивилистический процесс сегодня – это гражданское, арбитражное и административное судопроизводство. Совершенно обоснованно паспорт научной специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки» включает гражданское, арбитражное и административное судопроизводство[6].

Субъектами спорных материальных правоотношений, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, являются субъекты гражданского права, перечисленные

[2] *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».*

[3] *Хвостов В.М. История римского права. Пособие к лекциям. 3-е изд., испр. и доп. М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1907. 478 с.*

[4] *Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2009 № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца пятого подпункта 2 пункта 1 статьи 165 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».*

[5] *Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 3-е. М.: Типография Императорского московского университета, 1908. 402 с.*

[6] *Паспорт научной специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки». URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=17&name=92259542002&f=15281.*

в ч. 1 ст. 2 ГК РФ: граждане, юридические лица, а также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Как указал Конституционный суд Российской Федерации, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях как субъекты со специальной правоспособностью, которая в силу их публично-правовой природы не совпадает с правоспособностью других субъектов гражданского права – граждан и юридических лиц, преследующих частные интересы[7]. Поэтому в порядке цивилистического судопроизводства защищаются не только частные, но и публичные интересы. А это значит, что национальные интересы российского государства, лежащие в основе норм публичного права, подлежат охране и защите именно в области цивилистического судопроизводства, которое к настоящему времени, к сожалению, не предусматривает специальных процессуальных правил, позволяющих гарантировать эффективное достижение этой цели.

Цель исследования – определение процессуальных особенностей охраны национальных интересов при рассмотрении гражданских дел в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей работе проанализировано понятие «национальные интересы». Под ними предлагается понимать государственные интересы, реализуемые Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями в различных сферах правового регулирования. Отдельно исследуется правовая природа и свойства традиционных российских духовно-нравственных ценностей как важнейшей составляющей национальных российских интересов. В ходе научных изысканий были определены формы участия государства в сфере гражданской юрисдикции: частноправовая и публично-правовая. На основе применения критериев дифференциации спорных материально-правовых отношений, указанных в правовой позиции Пленума ВС РФ, сделан вывод о реализации государством национальных интересов в области как гражданско-правовых, так и административных и иных публично-правовых отношений. Для выделения общих и специальных черт, присущих процессуальному правовому статусу государства как участника правового конфликта, проведено сравнение отдельных видов цивилистического судебного процесса и административного судопроизводства, исследованы функции прокурора, цель и задачи судебной деятельности. Выявлены и обобщены основные проблемы, возникающие при защите национальных интересов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве; предложены пути решения данных проблем.

Последовательность изложения материала: 1) виды субъектов, интересы которых подлежат защите в цивилистическом процессе; 2) особенности интересов, которые отстаиваются публично-правовыми образованиями; 3) национальные интересы как основа публичного интереса; 4) традиционные духовно-нравственные ценности как часть национальных интересов; 5) процессуальные средства охраны интересов публично-правовых образований; 6) необходимость запрета мировых соглашений в публично-правовых спорах; 7) необходимость установления особых полномочий суда в частноправовых спорах с участием публично-правового образования; 8) необходимость расширения компетенции прокурора и органов исполнительной власти в частноправовых спорах с участием публично-правового образования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Виды субъектов, интересы которых подлежат защите в цивилистическом процессе

Любое судопроизводство есть форма осуществления правосудия, т. е. функция государственной власти. Поэтому государство, как субъект, осуществляющий правосудие, обязано обеспечить всестороннюю защиту прав и интересов всех субъектов гражданской юрисдикции, на правовое положение которых может оказать влияние судебное решение по делу. Такими субъектами в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве выступают как частноправовые (физические и юридические лица), так и публично-правовые субъекты (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования). В рамках гражданских правоотношений они не используют свои властные полномочия.

Гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство также говорит о гражданах, организациях, Российской Федерации, ее субъектах и муниципальных образованиях как об участниках спорных материальных правоотношений (ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), ст. 2 АПК РФ).

Вызывает недоумение при этом, что в ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) идет речь о защите прав и интересов лишь граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в числе субъектов, права и интересы которых должны быть защищены, даже не упоминаются. Между тем публично-правовые конфликты всегда предполагают их участие в качестве стороны публично-правового субъекта, и совершенно бесспорно, что их права и интересы должны быть обеспечены защитой, что и происходит при отказе в удовлетворении поданного гражданином административного иска. Отсутствие прямого указания на защиту прав и интересов публичных субъектов в сфере административного судопроизводства представляется ошибочным решением, обстоятельством, понижающим авторитет государства, и требует устранения.

Государство, его субъекты и муниципальные образования участвуют в двух категориях дел в сфере гражданской юрисдикции: частноправовых и публично-правовых. ГК РФ прямо указывает, что Российская

[7] *Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.1997 № 139-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Совета Федерации о проверке конституционности Федерального закона "О переводном и простом векселе"».*

Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях «на равных» с другими субъектами гражданского права (ст. 124 ГК РФ).

Особенности интересов, которые отстаиваются публично-правовыми образованиями

Конечно, каждый участник правового конфликта отстаивает свои собственные интересы. Есть они и у государства как субъекта права. Однако, в отличие от интересов частноправовых субъектов, интересы государства имеют особый характер. Как писал А.С. Алексеев, «охранение принудительного порядка и составляет специфическую задачу государства»[8]. Р.Е. Гукасян подчеркивал, что общественный интерес – это интерес государственный, который необходимо отличать от разнообразных корпоративных интересов, т. е. интересов отдельных общественных групп [3].

Применительно к современным реалиям можно сказать, что основной задачей государства является охрана публичного порядка, основ конституционного строя, а также прав и интересов неопределенного круга лиц (членов всего общества). Даже вступая в гражданско-правовые отношения, формально предполагающие равенство их участников, государство в лице уполномоченных органов и должностных лиц реализует свою генеральную функцию – обеспечение публичного порядка. Как верно отмечают авторы, реализация государством своих функций достаточно часто происходит с использованием гражданско-правовых средств, и участвует государство в гражданском обороте не в своих частных интересах, а для наиболее эффективного отправления своих властных, общественных функций. При этом оно добровольно ограничивает свои полномочия, выступая наравне с другими субъектами гражданского оборота [4–7]. Подчеркивается также, что «как частноправовой субъект государство испытывает на себе влияние публичного права» [8, с. 61].

Национальные интересы как основа публичного интереса

Другие исследователи связывают функции государства с национальными интересами и обеспечением национальной безопасности, в которую входят «классические» (оборона, безопасность государства), а также другие составляющие (безопасность в отношении сохранения культурных ценностей, в экономической сфере, в сфере социальной безопасности) [9]. Можно поддержать мнение, что «реализация государством своих задач и функций преследует определенные цели и так или иначе служит (или должна служить) общественному благу, которое и является сутью национальных интересов в широком смысле данного понятия» [10, с. 90].

Представляется, что категория «национальные интересы» может быть определена сквозь призму понятия «публичный интерес». Сама этимология этого выражения подчеркивает, что публичный интерес, в отличие от интереса частного, является общим для абсолютного большинства членов общества. «Национальный интерес» интерпретируется нами как интерес российского общества, отстаивать который обязано государство как в рамках внутригосударственных отношений, так и на международном уровне. Более того, национальные интересы для государства часто важнее актов международных судебных органов. Верно отмечают, что «в большинстве государств международные договоры рассматриваются с точки зрения иерархии ниже конституций… Имеются примеры, когда национальные суды не следуют решениям международных судов» [11, с. 131].

Традиционные духовно-нравственные ценности как часть национальных интересов

К числу национальных интересов следует отнести множество как закрепленных, так и не закрепленных на законодательном уровне разноотраслевых интересов. К числу наиболее важных национальных интересов следует отнести закрепленные указом Президента Российской Федерации В.В. Путина традиционные духовно-нравственные ценности[9]. Их защита должна осуществляться не только посредством привлечения виновных в их нарушении лиц к административной ответственности, но и в рамках гражданского, арбитражного, административного судопроизводства.

Традиционным духовно-нравственным ценностям трудно дать исчерпывающее определение и закрепить его в законодательстве. Тем не менее они зачастую имеют даже большее значение, чем прописанные в нормах конкретные права и интересы. Судам следует иметь в виду, что нарушение традиционных нравственно-духовных ценностей должно выступать основанием для признания тех или иных правоотношений несуществующими. Например, в случае, если брачным договором установлен порядок воспитания ребенка, не соответствующий традиционным семейным ценностям, такое условие должно быть признано недействительным.

Процессуальные средства охраны интересов публично-правовых образований

Все интересы государства, как участника цивилистического судопроизводства, должны охраняться специальными процессуальными средствами, причем независимо от того, в каком судопроизводстве оно участвует. Как справедливо указано в [12], органы государственной власти и управления, участвуя в гражданском процессе, имеют не личную заинтересованность в деле, а государственную, общественную. В силу этого государственными (национальными) интересами ни в коем случае нельзя поступиться ради отдельных частных интересов. Так, Конституционный суд РФ, рассматривая вопрос о соответствии Конституции положений Семейного кодекса РФ в части установления его нормами понятия брака как союза мужчины и женщины, совершенно обоснованно указал следующее: «Формально оспаривая конституционность п. 1 ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации, заявитель фактически требует государственного признания своих взаимоотношений с другим мужчиной путем их регистрации

[8] *Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типо-литография Высочайше учрежд. т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1895. 35 с.*

[9] *Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».*

в виде особого защищаемого государством союза»[10]. В литературе верно отмечают, что традиционные ценности являются ориентиром для законодателя при ограничении иных прав и в то же время выступают пределами ограничения права [13].

Итак, национальные интересы, как предмет охраны и защиты в цивилистическом судопроизводстве, имеют публично-правовую природу и являются основой публичных прав и интересов. Они могут быть легальными, т. е. прямо закрепленными в нормах действующего законодательства, или «смысловыми» и выводиться путем правильного толкования основных начал, принципов российского законодательства, а также традиционных духовно-нравственных ценностей. Национальные интересы государства должны обеспечиваться в том числе специальными процессуальными средствами. К числу процессуальных средств, призванных обеспечить национальные интересы в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, на наш взгляд, следует отнести перечисленные далее меры и закрепить их в законодательстве.

Необходимость запрета мировых соглашений в публично-правовых спорах

Во-первых, необходимо ввести существовавший в дореволюционный и советский периоды запрет на заключение мировых соглашений в делах публично-правовой природы. По свидетельству Е.В. Васьковского, примирение сторон и заключение мировых сделок не дозволялось в так называемых «делах казны» – таких делах, в которых органы государственной власти участвовали не как обладатели верховной власти, а как хозяйствующие субъекты. Тем не менее, в силу обладания ими властными полномочиями, а также потому, что совершаемые ими действия оказывают влияние на все общество, они не вправе были самостоятельно распоряжаться «общим интересом»[11]. Процессуалисты советского периода также указывали, что «наличие не гражданского, а административных правоотношений исключает, например, возможность мировой сделки» [14, с. 304].

Ныне действующее арбитражное процессуальное законодательство прямо допускает заключение мировых соглашений в делах, возникающих из административных и иных публично-правовых отношений (ст. 190 АПК РФ). Более того, разрешается примирение сторон и в административном судопроизводстве (ст. 137 КАС РФ), не говоря о том, что в ГПК РФ нет никакого специального запрета на мировые соглашения в делах с участием государства. Представляется, что допущение примирения сторон публично-правового конфликта есть путь к различного рода злоупотреблениям, и подобную практику требуется прекратить или хотя бы существенно ограничить [15].

Необходимость установления особых полномочий суда в частноправовых спорах с участием публично-правового образования

Во-вторых, необходимо закрепить особые полномочия суда в делах с участиме государства, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, а также арбитражными судами в исковом производстве. Думается, что эти полномочия должны быть значительно шире, чем это закреплено сегодня.

Прежде всего, по общему правилу возбуждение цивилистического судопроизводства возможно не иначе как по заявлению заинтересованного лица, т. е. обладателя нарушенного или оспоренного права, интереса. Но нарушение интересов государства должно быть основанием для возбуждения гражданского и арбитражного судопроизводства независимо от воли соответствующих органов государственной власти и должностных лиц (которые сами же могут быть заинтересованы в этих нарушениях). Как писал Н.М. Коркунов, «нарушение установленного правом приспособления объекта к совместному пользованию затрагивает интересы всех участвующих в пользовании и потому требует мер охраны права, независимых от чьего-либо индивидуального усмотрения»[12]. Действительно, если публичное право принадлежит неограниченному кругу лиц, каждому члену общества, то у каждого из них есть право требовать устранения нарушений.

Таким образом, нужно закрепить обязанность суда возбудить производство по делу в интересах государства по соответствующему заявлению прокурора, а также общественных организаций, зарегистрированных в установленном законом порядке.

При этом, во избежание излишней загрузки судов и злоупотреблений указанным правом, целесообразно закрепить также специальные требования к заявлению о возбуждении производства по делу в государственных интересах, к которым отнести: указание на нарушенное публичное право или национальный интерес со ссылками на соответствующие нормативные акты; легитимацию нарушителя права; указание на то, какие именно действия (бездействие), решения повлекли соответствующее нарушение и каковы его публично-правовые последствия.

Кроме этого, в исковом производстве по делам с участием государства в гражданском и арбитражном процессе у суда должна быть обязанность по собственной инициативе истребовать необходимые для защиты национальных интересов доказательства (если представители государства бездействуют или, как это часто бывает на практике, отсутствуют в судебном заседании). Это правило будет скорее соответствовать принципу объективной истины, нежели принятому в исковом процессе принципу формальной истины, но оно полностью оправдывает себя, поскольку будет служить защите публичных (общественных, национальных) интересов.

Нужно также закрепить право суда в необходимых случаях выходить за пределы требований и доводов сторон по делам с участием государства – например, если суд усматривает в деле факт нарушения традиционных духовно-нравственных ценностей, но сторона государства об этом не заявляет [16].

---

[10] *Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации».*

[11] *Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 464 с.*

[12] *Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.*

Необходимость расширения компетенции прокурора и органов исполнительной власти в частноправовых спорах с участием публично-правового образования

В-третьих, на современном этапе необходимо расширить функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции [17; 18]. В ст. 45 ГПК РФ предлагается включить указание на право прокурора возбуждать дела в защиту прав и законных интересов военнослужащих [19], а в ст. 52 АПК РФ включить право прокурора обращаться с заявлением о возбуждении арбитражного судопроизводства в интересах субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, которые в силу уважительных причин не могут обратиться в арбитражный суд самостоятельно.

В-четвертых, в гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном и административно-процессуальном законодательстве должны быть закреплены специальные процессуальные обязанности органов публичной власти, местного самоуправления и должностных лиц, представляющих интересы государства. В частности, они должны в обязательном порядке принимать участие в судебных заседаниях, если выступают в качестве стороны или третьего лица в гражданском деле или если привлекаются судом к рассмотрению дела с целью дачи по нему заключения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило установить, что значительная часть гражданско-правовых дел, рассматриваемых в порядке цивилистического (искового) судопроизводства, имеет не частноправовой, а публично-правовой характер, поскольку характеризуется юридическим неравенством участвующих в них субъектов и возникает в связи с реализацией публично-правовых полномочий одним из их участников. Предметом судебной защиты в таких делах выступают национальные интересы российского государства и многонационального народа России.

Отсутствие в действующем законодательстве критерия дифференциации гражданских дел на частноправовые и публично-правовые приводит к фактическому рассмотрению публично-правовых споров, связанных с реализацией национальных интересов, в рамках искового (частноправового) судебного процесса, что обусловливает применение к ним процессуальных правил и принципов, не соответствующих их природе (состязательность, диспозитивность, низкая процессуальная активность суда и ограниченные функции прокурора). Поскольку публичные интересы – это интересы государственные, имеющие общенациональный характер, предложено закрепить специальные процессуальные правила рассмотрения таких дел в рамках цивилистического судопроизводства, а также расширить полномочия прокурора по возбуждению производства по гражданским делам. Для этого необходимо закрепить специальные признаки национальных (государственных) интересов, включив в них традиционные российские духовно-нравственные ценности как объекты правовой защиты.

Правовой статус суда, рассматривающего дело, затрагивающее национальные интересы, права и обязанности такого суда должны иметь особую направленность и характеризоваться высокой степенью его процессуальной активности. В случае необходимости суд должен истребовать по собственной инициативе доказательства, выходить за пределы доводов и возражений сторон, назначать экспертизу, привлекать к участию в деле прокурора. Если объектом судебной деятельности является государственный (национальный) интерес, право на заключение мирового соглашения должно быть существенно ограничено и разрешено лишь тогда, когда оно не окажет воздействия на права и обязанности неопределенного круга лиц. Функции прокурора в сфере гражданской юрисдикции должны быть расширены и прямо предусматривать его право обращаться с заявлением о возбуждении производства по делу в защиту прав военнослужащих. Суд, рассматривающий дело по существу, нарушение традиционных духовно-нравственных ценностей должен трактовать в качестве безусловного основания для признания соответствующих действий (бездействия) противозаконными, а также для признания соответствующих правоотношений недействительными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опалев Р.О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве. М.: Городец, 2023. 432 с.
2. Протопопова И.А. Публичные законные интересы в трудовом праве // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 5. С. 267–269. EDN: TQHHNS.
3. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
4. Садриева Р.Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 69–74. EDN: UJYDDZ.
5. Крыцула А.А. Публично-правовое образование как субъект гражданских правоотношений по поводу использования памятника природы // Право и государство: теория и практика. 2010. № 2. С. 54–57. EDN: LLVKQZ.
6. Кутафин О.Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 46–54. EDN: OCQIEF.
7. Долинская В.В. Развитие учения и законодательства о субъектах гражданских правоотношений // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161. № 4. С. 127–145. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145.
8. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права // Государство и право. 2020. № 6. С. 54–65. DOI: 10.31857/S013207690009937-2.
9. Бидова Б.Б. Национальная безопасность и национальные интересы: феноменологическая характеристика // Право и политика. 2020. № 6. С. 39–55. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32734.
10. Антонченко В.В. Права человека и национальные интересы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1. С. 89–93. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/1/89-93.
11. Осминин Б.И. Национальные и международные суды: необходим диалог // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 131–144. DOI: 10.12737/art_2018_9_13.

12. Шакарян М.С. Избранные труды. СПб.: Издательский Дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. 880 с.
13. Якушев П.А. Традиционные ценности как пределы ограничения прав // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 371–374. EDN: XPMDOX.
14. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М.: Юридическая литература, 1976. 600 с.
15. Михайлова Е.В. Мировое соглашение (соглашение о примирении) в публично-правовых делах // Закон. 2023. № 4. С. 64–71. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-64-71.
16. Михайлова Е.В., Бутрим И.И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52. DOI: 10.31857/S1026945200-27733-7.
17. Терехова Л.А. Прокурор в гражданском процессе // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 123–129. EDN: NYIWIJ.
18. Михайлова Е.В. Правовое положение прокурора в арбитражном судопроизводстве // Государство и право. 2023. № 6. С. 36–44. DOI: 10.31857/S1026945 20026148-3.
19. Михайлова Е.В. Способы и формы защиты прав граждан, призванных в рамках частичной мобилизации // Российский судья. 2023. № 8. С. 7–11. EDN: TIJUPH.

REFERENCES

1. Opalev R.O. *Pravo na effektivnuyu sudebnuyu zashchitu v administrativnom sudoproizvodstve* [The right to effective judicial protection in administrative proceedings]. Moscow, Gorodets Publ., 2023. 432 p.
2. Protopopova I.A. Public interests in labour law. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2019, vol. 15, no. 5, pp. 267–269. EDN: TQHHNS.
3. Gukasyan R.E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected works on civil procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 480 p.
4. Sadrieva R.R. On the issue of nature of the state as a subject of civil law. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 5, pp. 69–74. EDN: UJYDDZ.
5. Krytsula A.A. Public-lawful formation as the subject of the civil juridical relationships apropos of the use of a monument of nature. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, no. 2, pp. 54–57. EDN: LLVKQZ.
6. Kutafin O.E. Russian Federation, its subjects and municipalities as subjects of civil law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2007, no. 1, pp. 46–54. EDN: OCQIEF.
7. Dolinskaya V.V. Development of the doctrine and legislation on subjects of civil legal relations. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 161, no. 4, pp. 127–145. DOI: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145.
8. Golubtsov V.G. The Russian Federation as a subject of civil law. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 54–65. DOI: 10.31857/S013207690009937-2.
9. Bidova B.B. National security and national interests: phenomenological characteristics. *Pravo i politika*, 2020, no. 6, pp. 39–55. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.6.32734.
10. Antonchenko V.V. Human rights and national interests. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2023, no. 1, pp. 89–93. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2023/1/89-93.
11. Osminin B.I. National and international courts: the dialogue needed. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2018, no. 9, pp. 131–144. DOI: 10.12737/art_2018_9_13.
12. Shakaryan M.S. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Sankt Petersburg, Izdatelskiy Dom R. Aslanova “Yuridicheskiy tsentr” Publ., 2014. 880 p.
13. Yakushev P.A. Traditional values as limits of restriction of rights. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2018, no. 12, pp. 371–374. EDN: XPMDOX.
14. Kallistratova R.F., Lesnitskaya L.F., Puchinskiy V.K., eds. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k GPK RSFSR* [Scientific and practical commentary on the Code of Civil Procedure of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 600 p.
15. Mikhaylova E.V. Settlement agreement in public law cases. *Zakon*, 2023, no. 4, pp. 64–71. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-64-71.
16. Mikhaylova E.V., Butrim I.I. Theoretical and legal approaches to determining the methods and procedural forms of protection of traditional values in the Russian state. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 9, pp. 44–52. DOI: 10.31857/S102694520027733-7.
17. Terekhova L.A. Public prosecutor in civil procedure. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2011, no. 2, pp. 123–129. EDN: NYIWIJ.
18. Mikhaylova E.V. Legal status of the prosecutor in arbitration proceedings. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 6, pp. 36–44. DOI: 10.31857/S102694520026148-3.
19. Mikhaylova E.V. Ways and forms of protecting the rights of citizens conscripted for military service during partial mobilization. *Rossiyskiy sudya*, 2023, no. 8, pp. 7–11. EDN: TIJUPH.

National interests and their protection in civil proceedings

© 2024

Ekaterina V. Mikhailova, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Acting Head of the Procedural Law Sector, chief researcher
Institute of State and Law of RAS, Moscow (Russia)

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 11.01.2024 *Accepted 06.03.2024*

Abstract: Under civil, arbitration and administrative procedures, many cases are considered in which one of the objects of protection is state (national) interests. The work provides evidence that a number of legal relations regulated by the Civil Code of the Russian Federation are of a public-law nature. In this case, disputes arising from these relations are resolved according to the rules of action proceedings in civil and arbitration procedures. The author proves that the state, acting as a participant in civil-law relations, nevertheless implements public-law functions ensuring national interests. At the same time, there are no special rules aimed at protecting these interests in procedural legislation. The author developed an approach to understanding the nature of national interests, including the traditional spiritual and moral values enshrined by the decree of the President of the Russian Federation. Based on the analysis of the legal positions of the Supreme Court and Constitutional Court of the Russian Federation, the doctrine of civil and arbitration procedures, and administrative proceedings, private and public-law conflicts are differentiated. The author proposed specific procedural mechanisms for protecting national interests in civil proceedings: accretion of the procedural power of the court when considering cases with the participation of the state (going beyond the asserted claims and arguments of the parties, disclosure of evidence on its own initiative); expanding the functions of the prosecutor in the field of civil procedural jurisdiction (in particular, giving him the right to apply for defense of the rights and interests of military personnel); consolidation of special procedural responsibilities of state authorities, local government authorities, officials as participants in civil and arbitration proceedings. It is also proposed to prohibit the conclusion of settlement agreements in cases involving the state.

Keywords: national interests; civil proceedings; public interest; public and private legal relations; action proceedings; the state as a party to the case; legal status of the court; functions of the prosecutor; settlement agreement.

For citation: Mikhailova E.V. National interests and their protection in civil proceedings. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1, pp. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-5-12.

УДК 341.73
doi: 10.18323/2220-7457-2024-1-13-19

Особенности перемещения дипломатическими представителями оружия через таможенные границы на примере США и России

© 2024

Романова Вера Витальевна*[1], кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Моисеева Валентина Юрьевна[2], кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

***E-mail: vera1704@yandex.ru**

[1]ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9901-7667
[2]ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6611-4455

Поступила в редакцию 09.01.2024 *Принята к публикации 12.03.2024*

Аннотация: В настоящее время не существует единых, унифицированных на международном уровне правил ввоза дипломатами оружия на территорию государства пребывания. В силу того, что значительный пласт вопросов правового статуса дипломатов определяется на внутригосударственном уровне каждым государством самостоятельно, возникает проблема отсутствия единой практики привлечения дипломатических сотрудников к ответственности за ввоз запрещенных предметов. В статье представлено исследование проблем допустимости ввоза огнестрельного оружия на территорию иностранного государства отдельными категориями лиц, обладающими дипломатической неприкосновенностью. Акцентируется внимание на различных подходах к пониманию сущности суверенитета государства. Рассматривается опыт иностранных государств по регламентации порядка ввоза, хранения и ношения оружия иностранными гражданами. Особое внимание уделено правовому регулированию на территории США, где, несмотря на однозначный запрет на ввоз оружия для частных лиц, в случае ввоза оружия охраной дипломатических представительств возможно исключение по предварительному согласованию. Приводятся сведения о правовом регулировании данного вопроса на территории Российской Федерации. Проанализированы положения Федерального закона «Об оружии», в соответствии с которыми иностранные граждане, в том числе дипломатические представители, не вправе хранить, носить и использовать огнестрельное оружие на территории Российской Федерации на длительной основе. Сформулирован вывод о необходимости дополнения Венской конвенции 1961 г. положением о порядке перемещения огнестрельного оружия через таможенные границы для глав дипломатических представительств, консульских учреждений, членов дипломатического персонала дипломатических представительств, консульских должностных лиц, а также членов их семей.

Ключевые слова: дипломатические иммунитеты; огнестрельное оружие; ввоз оружия; пересечение таможенных границ для отдельных видов товаров.

Для цитирования: Романова В.В., Моисеева В.Ю. Особенности перемещения дипломатическими представителями оружия через таможенные границы на примере США и России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 13–19. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-13-19.

ВВЕДЕНИЕ

Современная практика международного общения показывает, насколько велика роль дипломатических отношений, выстроенных на паритетных началах, с уважением суверенитета каждого участника международного общения. Но не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд: даже толкования такого базового понятия, как «суверенитет», порой носят диаметрально противоположный характер. Так, по одному из определений суверенитет представляет собой то качество государственной власти, на основе которого эта власть имеет право принимать любые политические, юридические, военные, экономические решения во всех внутренних и внешних делах, без какого-либо вмешательства со стороны другой державы. При этом подчеркивается, что суверенитет не может быть предлогом для произвола, волюнтаризма или высокомерия [1].

Противоположную точку зрения высказывает автор [2], который задается вопросом, осталась ли польза от концепции суверенитета. Справедливо отмечается: согласно классической теории, суверенитет предполагает наличие субъекта с неограниченной властью, неделимого и безответственного. Но реалии современного правового регулирования предполагают ограничения различного характера: так, конституционализм ограничивает власть государства, федерализм разделяет его, а верховенство закона привлекает к ответственности [2].

Достаточно остро проблема определения сути суверенитета стоит для членов международных организаций. Суверенитет, будучи единым, не может быть разделен на доли, принадлежащие разным носителям власти. Нация не может отказаться, уступить, одолжить или любым иным способом отчуждать свой суверенитет. Пока существует нация, обладатель суверенитета, существует сам суверенитет [3].

Иной подход к комплексному анализу понятия суверенитета выдвигают румынские ученые, предлагая разграничить два аспекта суверенитета: его сущность как института права и его реализацию. По мнению

авторов, на реализацию суверенитета влияют процессы глобализации и интеграции, но даже передав часть своих полномочий, государство делает это по собственной воле, сохраняя при этом сущность своего суверенитета в неприкосновенности [4].

Предлагается обратить внимание на актуальную проблему возможности принудительного ограничения суверенитета государства, указывается на то, что государственный суверенитет стал рассматриваться в качестве прикладного понятия, во многом зависящего от экономического развития конкретного государства, его военной мощи, геополитического положения [5]. Отдельно отмечается угроза размывания присущих государству функций в результате глобализации [6].

Нет единства мнений ученых и по проблеме пределов дипломатического иммунитета. Советский правовед В.Н. Лихачев писал, что дипломатический иммунитет является одним из самых важных и в теоретическом, и в практическом плане вопросов международного права, которые регламентируют деятельность дипломатов, а также настаивал на необходимости незыблемого соблюдения правил защиты дипломатического корпуса [7].

В то же время в США мы видим иной подход. Так, сенатором Дж. Хелмсом был представлен законопроект под названием «Закон о предотвращении злоупотреблений дипломатической неприкосновенностью», который был направлен на ограничение дипломатического иммунитета. Государственный департамент США не поддержал данный законопроект, заявив, что, если подобные ограничения будут введены в иных государствах, новый порядок нанесет ущерб интересам США за рубежом. В настоящее время идет активное обсуждение внедрения схемы страхования, что потребует от посольств и миссий включить страхование ответственности в качестве предварительного условия установления дипломатических отношений с США. Подобная схема была разработана еще в 1995 г., но до сих пор не реализована [8].

Актуальность исследования обусловлена неопределенностью порядка регулирования ряда вопросов относительно статуса дипломатических работников. В настоящее время дипломатические отношения, включая дипломатические иммунитеты, регулируются на международном уровне Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., которая была ратифицирована почти каждой страной в мире. Однако многие проблемные вопросы при принятии данной конвенции так и не были оговорены.

В частности, нет единых, унифицированных на международном уровне правил ввоза дипломатами оружия на территорию государства пребывания. В Латвии дипломатические работники имеют право ввоза, хранения и ношения оружия при наличии разрешения, выданного местной полицией. Египет запрещает ввозить на свою территорию огнестрельное оружие. В Китае запрещены к ввозу любые виды оружия, а также конструктивно схожие с оружием изделия, боеприпасы и взрывчатые вещества. В США ввоз оружия допустим только для сотрудников диппредставительств. Особую сложность в правоприменении порождает положение о том, что личный багаж главы и членов дипломатического персонала дипломатического представительства иностранного государства освобождается от таможенного досмотра.

По подсчетам Д.Б. Левина, различными юристами было выдвинуто не менее 15 теорий дипломатического иммунитета [9]. Однако ни одна из описанных теорий не раскрывает конкретные права и обязанности дипломата, в них говорится лишь о природе их происхождения и их функциональной принадлежности. Настоящее исследование призвано привлечь внимание к существующему пробелу в правовом регулировании, а именно к порядку ввоза дипломатами на территорию государства пребывания огнестрельного оружия. Данный вопрос не имеет единого понимания в международном пространстве, каждое государство решает его самостоятельно, что влечет глобальные различия в правоприменительной практике.

С одной стороны, дипломатическому персоналу для полноценной работы необходима эффективная система защиты от любой неблагоприятной ситуации, которая может возникнуть между государствами. С другой стороны, известны случаи злоупотребления дипломатами своим особым статусом. Так, в 1984 г. дежурный сотрудник полиции Ивонн Флетчер была убита в Лондоне человеком, стрелявшим изнутри ливийского посольства во время акции протеста. Инцидент вызвал срыв дипломатических отношений. Однако виновные в убийстве лица так и не были установлены, а следовательно, не понесли ответственность. Все, чего смогла добиться Великобритания на тот момент, – это высылка всех сотрудников посольства со своей территории. Данный эпизод не единичен, в статье представлены и иные случаи, свидетельствующие об острой необходимости скорейшего восполнения существующих пробелов в правовом регулировании.

Цель исследования – разработка мер совершенствования действующего международно-правового регулирования перемещения дипломатическими представителями оружия через таможенные границы различных государств.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование началось с анализа основных исторических этапов формирования института дипломатических иммунитетов. Далее были рассмотрены положения основного международно-правового акта в данной области – Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Проанализирован переход от концепции абсолютного иммунитета к иммунитету ограниченному. На примере США рассмотрены правовые основы регулирования дипломатических отношений на внутригосударственном уровне, дозволяющие ввоз дипломатическими представителями огнестрельного оружия. Подробно представлен анализ опыта Российской Федерации, по общему правилу запрещающий ввоз огнестрельного оружия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

История становления института дипломатических иммунитетов

Институт дипломатических иммунитетов имеет давнюю историю. Понятие дипломатического иммунитета можно найти в древнеиндийских эпосах (между

3000 и 2000 г. до н. э.), где посланникам и дипломатам был предоставлен иммунитет от смертной казни. На законодательном уровне дипломатическую неприкосновенность впервые гарантировал Британский парламент иностранным послам в 1709 г. Причиной этому был инцидент с участием российского дипломата Андрея Артамоновича Матвеева, которого из-за интриг при английском дворе заключили в долговую тюрьму. Эти несправедливые действия в отношении дипломата вызвали возмущение всего дипломатического корпуса в Лондоне. Англичане вынуждены были освободить Матвеева. Чуть позднее под влиянием протеста Петра I английский парламент принял закон о неприкосновенности дипломатических представителей.

Дальнейшее правовое регулирование дипломатических отношений исходило из тезиса, что дипломаты должны обладать полной неприкосновенностью, власти государства пребывания не могут оказывать на них никакого влияния или давления. Имущество, жилище, рабочие места, почта дипломатов имеют абсолютную защиту и находятся вне юрисдикции государства пребывания в любом случае.

Особо интересным в рамках данного исследования представляется порядок предоставления иммунитета в уголовном судопроизводстве. Иммунитет в уголовном судопроизводстве – это функциональный правовой институт, нормы которого предусматривают освобождение определенных субъектов от процессуальных обязанностей, особый порядок привлечения их к уголовной ответственности и применения к ним мер принуждения [10]. Возможно привлечение дипломатических агентов к ответственности если не силами государства пребывания, то с помощью юрисдикции аккредитующего государства [11].

По общему порядку, в случае совершения дипломатом преступления, государства добровольно ограничивают себя в праве преследовать преступника в пределах своих собственных границ. Почему же мы соглашаемся на систему, в которой зависим от прихоти иностранного государства? Потому что мы зависим от других стран, и в их интересах соблюдать иммунитет наших собственных дипломатов так же скрупулезно, как мы – их.

Остается надеяться, что дипломаты будут вести деятельность, имеющую целью исключительно развитие отношений между государствами. Что ими не будет совершено преступлений, правонарушений, что они не будут злоупотреблять своим особым правовым статусом. Но если ни одно государство мира не может гарантировать, что его представитель ни в коем случае не совершит преступление, то хотя бы порядок ввоза дипломатами оружия оговорить можно. Однако вопрос о возможности перевозки, приобретения и хранения дипломатами оружия на территории государства пребывания никак не регламентирован Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. С одной стороны, на территориях многих государств дипломатам в настоящее время опасно находиться без оружия, с другой – излишняя свобода при пересечении таможенных границ может привести к злоупотреблению дипломатами своими полномочиями.

Так, в январе 2011 г. в Лахоре, Пакистан, сотрудник американского посольства Раймонд Аллен Дэвис застрелил двух пакистанских гражданских лиц. По словам Дэвиса, они собирались ограбить его, и он действовал в целях самообороны. Он был официально арестован и помещен под стражу, однако Государственный департамент США неоднократно настаивал на освобождении своего сотрудника из-под стражи в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. 16 марта 2011 г. Дэвис был освобожден после того, как семьям двух убитых мужчин было выплачено 2,4 млн долларов, после чего Дэвис был оправдан судом и немедленно покинул Пакистан[1].

Считаем необходимым найти универсальный подход, регламентирующий порядок ввоза оружия на международном уровне. Справедливости ради необходимо отметить, что не все ученые оптимистично настроены по отношению к унификации международно-правовых норм. Одни считают, что универсальность международного права используется, чтобы замаскировать его логику однополярной власти [12], вторые называют современное международное право «гегемонистским» международным правом» [13], третьи пишут об империалистических тенденциях [14].

Если международное право можно образно рассматривать как язык международных отношений, то каждое государство говорит на нем со своим национальным акцентом [15]. В этом смысле международная правовая политика является весьма плодотворным предметом для сравнительных исследований.

Внутригосударственное регулирование США

Первым актом, законодательно закрепляющим статус официальных представителей иностранных государств на территории США, был Statute on diplomatic immunity (Статут о дипломатических иммунитетах) 1790 г., подтверждавший действовавшую в тот период концепцию абсолютного иммунитета дипломатических работников. В соответствии с данным законом личность дипломата была неприкосновенна: ни сам дипломат, ни члены его семьи не могли быть подвергнуты аресту или обыску, не подпадали ни под уголовную, ни под гражданскую юрисдикцию государства пребывания [16]. Более того, законом было установлено уголовное наказание в отношении лиц, направивших иск против дипломата. Однако данные иммунитеты плохо сочетались с фактическим положением дел, в котором сами дипломаты имели право вести предпринимательскую деятельность на территории США, в процессе которой неизбежно возникали споры гражданско-правового характера. Конфликт интересов, коллизия правового регулирования, участившиеся случаи допущения со стороны дипломатов дорожно-транспортных происшествий, в том числе с летальным исходом, привели к необходимости трансформации законодательства [17].

В 1978 г. был принят Diplomatic Relations Act (Закон о дипломатических отношениях), который действует и по сей день. Интересной особенностью данного закона является положение о том, что президент США при определении правового статуса дипломата на своей территории и объемов его иммунитетов может не опираться на положения

[1] *Gall C., Mazzetti M. Hushed Deal Frees C.I.A. Contractor in Pakistan // The New York Times. 2011. March 16. URL: https://www.nytimes.com/2011/03/17/world/asia/17pakistan.html.*

Венской конвенции 1961 г., а выдвинуть собственные предложения, сузив или, наоборот, расширив дипломатические иммунитеты по собственному усмотрению. Таким образом, один из ведущих акторов международного общения публично и открыто объявил внутригосударственное право своего государства как имеющее приоритет перед правом международным. Несомненно, подобное положение дел не способствует международной стабильности.

Вернемся к предпосылкам принятия нового закона о дипломатических отношениях 1978 г. в США. Закон был принят на фоне громких обсуждений общественностью участившихся нарушений дипломатами правил дорожного движения, поэтому одним из важнейших нововведений стало обязательное страхование гражданско-правовой ответственности всех сотрудников дипломатического корпуса в отношении рисков, связанных с управлением транспортными средствами. Но подобным образом была регламентирована лишь гражданско-правовая ответственность за ущерб, причиненный в связи с использованием транспортных средств. Механизма привлечения дипломата к деликтной ответственности в иных случаях просто нет. Мы уже упоминали о попытках предложения законопроектов, предусматривающих расширение обязательного страхования ответственности. В США были подготовлены законопроекты о создании специального фонда, из средств которого мог бы возмещаться материальный ущерб потерпевшим от действий иностранных представителей на территории США, но все эти предложения так и остались проектами [18].

Что касается порядка пересечения таможенных границ для отдельных видов товаров, несмотря на однозначный запрет к ввозу оружия в США для частных лиц, в случае ввоза оружия охраной диппредставительств возможно исключение по предварительному согласованию. Охрана обязана предоставить свидетельства о прохождении соответствующего обучения, свободно владеть английским языком и не имеет права ношения оружия вне случаев сопровождения охраняемых лиц[2].

Правовое регулирование на территории иных государств

Обратимся к опыту иных государств. В Латвии дипломатические работники имеют право ввоза, хранения и ношения оружия при наличии разрешения, выданного местной полицией.

Египет запрещает ввозить на свою территорию огнестрельное оружие, выхолощенные и боевые патроны, гильзы и даже изготовленные из них сувениры. В связи с недавними волнениями в стране, ряд дипломатических представительств обращались к египетскому правительству с просьбой разрешить охрану с использованием национальных воинских формирований, однако получили отказ.

В Китае запрещены к ввозу любые виды оружия, а также конструктивно схожие с оружием изделия, боеприпасы и взрывчатые вещества. Что касается общего подхода к концепции дипломатического иммунитета в КНР, стоит упомянуть, что в 2023 г. был одобрен закон, направленный на совершенствование системы иммунитетов иностранных государств в стране. С введением нового закона китайским органам судебной власти было предоставлено правовое основание для рассмотрения гражданских дел, в которых ответчиками выступают иностранные государства. Закон подтвердил основной принцип, согласно которому иностранные государства и их собственность пользуются иммунитетом в Китае, и в то же время скорректировал прежнюю позицию Китая об «абсолютном иммунитете». Отныне законом предусматриваются исключения, которые определяют, что китайские суды могут осуществлять юрисдикцию в отношении исков, вызываемых несуверенными действиями иностранных государств, например по делам, связанным со спорами, касающимися коммерческой деятельности, нанесения телесных повреждений или имущественного вреда. В законе также отмечается, что китайские суды могут принимать принудительные меры в отношении коммерческой собственности иностранных государств при строго ограниченных обстоятельствах.

В целом, по результатам анализа иностранного опыта невозможно выявить единого правила пересечения таможенных границ для товаров, ограниченных в обороте.

Большинство государств в настоящее время отходят от концепции «абсолютного иммунитета» и предусматривают в своем внутригосударственном законодательстве порядок привлечения к юридической ответственности сотрудников дипломатического корпуса.

Правовое регулирование на территории Российской Федерации

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «Об оружии» иностранным гражданам предоставлено право приобретать гражданское оружие на территории Российской Федерации, а также право ввозить и вывозить из Российской Федерации гражданское оружие.

Согласно ч. 1 указанной статьи, иностранные граждане могут приобретать на территории Российской Федерации гражданское оружие. Однако приобретение оружия иностранцами возможно лишь при условии вывоза оружия из Российской Федерации не позднее десяти дней со дня его приобретения. При этом, в соответствии с п. 9.1. Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии РФ[3], для получения соответствующих лицензии и разрешения иностранный гражданин должен представить документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина в Российской Федерации, и ходатайство дипломатического представительства иностранного государства. Подробнее место Федеральной службы войск

[2] *Diplomatic Relations Act 1978 // Catholic University Law Review. 1979. Vol. 28. № 4. Article number 7.*

[3] *Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 28.09.2019 № 337 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранному гражданину лицензии на приобретение в Российской Федерации гражданского оружия, а также разрешения на вывоз из Российской Федерации приобретенного гражданского оружия» (Зарегистрирован 05.12.2019 № 56697) // Росгвардия. URL: https://rosguard.gov.ru/document/article/prikaz-federalnoj-sluzhby-vojsk-nacionalnoj-gvardii-rossijskoj-federacii-ot-28092019--337.*

национальной гвардии РФ в системе правоохранительных органов государства описывается в [19].

Иностранным гражданам также предоставлено право ввозить на территорию Российской Федерации спортивное и охотничье оружие при наличии договора об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства или приглашения для участия в спортивных мероприятиях и соответствующего разрешения федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Указанное оружие должно быть вывезено из Российской Федерации в сроки, установленные договором или приглашением (ч. 3 ст. 14 Федерального закона «Об оружии»).

Таким образом, по смыслу положений Федерального закона «Об оружии», иностранные граждане, в том числе дипломатические представители, не вправе хранить, носить и использовать огнестрельное оружие на территории Российской Федерации на длительной основе. Одной из предпосылок такого регулирования является то, что в отношении иностранных граждан не могут быть собраны полные и достоверные сведения об их соответствии требованиям, которые установлены ст. 13 Федерального закона «Об оружии». В частности, лицензия на приобретение, экспонирование или коллекционирование оружия выдается гражданам Российской Федерации, подтвердившим прохождение подготовки и периодической проверки знания правил безопасного обращения с оружием, а также наличие навыков безопасного обращения с оружием. Контроль знаний проводится в форме тестирования на русском языке, что крайне сложно выполнить в отношении иностранных граждан. Владельцы огнестрельного оружия отдельным медицинским заключением подтверждают факт отсутствия медицинских противопоказаний к владению оружием, частью осмотра является обязательное заключение психиатра, а психиатрическая диагностика лиц, не владеющих русским языком, затруднительна.

Ввоз на территорию Российской Федерации огнестрельного оружия с целью длительного хранения также запрещен. Даже дипломатическая корреспонденция, строго защищенная от любого досмотра, не может содержать в себе оружие. Данное положение подтверждается Приказом Минтранса России от 23 июля 2015 г. № 227 (ред. от 07 сентября 2020 г.) «Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности»: «Дипломатические отправления (корреспонденция) при подозрении на наличие в них оружия, взрывчатых веществ … могут быть досмотрены без вскрытия упаковки по решению лица, ответственного за обеспечение транспортной безопасности, в присутствии полномочного дипломатического курьера с применением средств досмотра, обязательным видео и аудио документированием и составлением акта досмотра». Таким образом, дипломаты, как и иные иностранные граждане на территории Российской Федерации, могут владеть оружием только на временной основе. В других государствах существует практика дозволения ввоза оружия, но только специализированными службами и только по особому разрешению.

Возможные меры совершенствования международно-правового регулирования

Сложившуюся неоднозначную ситуацию мог бы исправить принятый международный документ, устанавливающий унифицированные правила, регламентирующие ввоз дипломатическими сотрудниками оружия. Для подтверждения выдвинутого тезиса предлагается обратиться к рассмотрению порядка ввоза иной категории товаров, ограниченных в обороте, а именно наркотических средств. В Российской Федерации порядок ввоза и вывоза наркотических средств определяется Федеральным законом от 08 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Представляется верным полный запрет ввоза на территорию Российской Федерации наркотических средств иностранными гражданами. На международном уровне данная позиция поддержана Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Можно констатировать, что в ситуации с правовым регулированием оборота наркотиков в настоящий момент нет глобальных пробелов, имеется лишь недостаток координации в деятельности правоохранительных органов различных государств. Правовое регулирование порядка ввоза огнестрельного оружия нуждается в совершенствовании, вполне возможно, по схожему алгоритму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Считаем опыт Российской Федерации заслуживающим имплементации и предлагаем дополнить содержание ст. 36 Венской конвенции 1961 г. следующим положением: «Совершение таможенных операций и таможенного контроля в отношении ввозимого дипломатическим агентом огнестрельного оружия производится в общем порядке, предусмотренном государством пребывания для всех категорий физических лиц».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Deleanu I. Instituții și proceduri constituționale: în dreptul român și în dreptul comparat. Bucharest: C.H. Beck, 2006. 922 p.
2. Herzog D. Sovereignty, RIP. London: Yale University Press, 2020. 320 p.
3. Krasner D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. New Jersey: Princeton Princeton University Press, 1999. 264 p.
4. Tătar R.G., Moișі A. The concept of sovereignty // Journal of Public Administration, Finance and Law. 2022. № 24. P. 292–303. DOI: 10.47743/jopafl-2022-24-27.
5. Пяткин В.Н. Концепция государственного суверенитета в современный период // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 1. С. 23–32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32.
6. Алексеева Л.А., Майорова С.А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3. С. 39–44. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-3-39-44.

7. Лихачев В.Н. Проблемы в современном международном праве. Казань: Казанский университет, 1985. 86 с.
8. Goldenberg R. Abuse of diplomatic immunity: is the government doing enough? // ILSA Journal of International & Comparative Law. 1995. Vol. 1. P. 197–216.
9. Левин Д.Б. Дипломатический иммунитет. М.: Издательство и 2-я тип. Издательства Академии наук СССР, 1949. 416 с.
10. Родителева Я.Н. Предварительное расследование по уголовным делам с участием иностранцев, пользующихся дипломатическим иммунитетом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 119–125. EDN: ZQNVBN.
11. Герфанова Е.И. Уголовно-правовой иммунитет дипломатического агента // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 4. С. 153–159. EDN: YQNSDJ.
12. Megret F. International Law as Law // The Cambridge companion to International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 64–92. DOI: 10.1017/CCO9781139035651.006.
13. Vagts D.F. Hegemonic International Law // American Journal of International Law. 2001. Vol. 95. P. 843–848. DOI: 10.2307/2674630.
14. Капустин А.Я. Международное право и вызовы XXI века // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 5–19. DOI: 10.12737/4819.
15. Magomedova O.S. Concept of international legal policy in foreign comparative legal studies // Moscow journal of international law. 2020. № 3. P. 27–43. DOI: 10.24833/0869-0049-2020-3-27-43.
16. Нагиева А.А., Самедова А.Э. История становления и развития института дипломатических иммунитетов и привилегий в США // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 2. С. 16–26. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).16-26.
17. Barnes W. Diplomatic Immunity from Local Jurisdiction: Its Historical Development Under International Law and Application in United States Practice // Department of State Bulletin. 1960. Vol. 43. № 1011. P. 173–182.
18. Goodman D.H. Reciprocity as a Means of Curtailing Diplomatic Immunity Abuse in the United States: The United States Needs to Play Hardball // Houston Journal of International Law. 1988. Vol. 11. P. 393–411.
19. Гарник Л.Ю. Место Федеральной службы войска национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) в системе правоохранительных органов государства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 188–191. EDN: FSSMBN.

REFERENCES

1. Deleanu I. *Instituții și proceduri constituționale: în dreptul român și în dreptul comparat*. Bucharest, C.H. Beck Publ., 2006. 922 p.
2. Herzog D. *Sovereignty, RIP*. London, Yale University Press Publ., 2020. 320 p.
3. Krasner D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. New Jersey, Princeton Princeton University Press Publ., 1999. 264 p.
4. Tătar R.G., Moiși A. The concept of sovereignty. *Journal of Public Administration, Finance and Law*, 2022, no. 24, pp. 292–303. DOI: 10.47743/jopafl-2022-24-27.
5. Pyatkin V.N. The concept of state sovereignty in the modern period. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 1, pp. 23–32. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-1-23-32.
6. Alekseeva L.A., Mayorova S.A. On the issue of state sovereignty in the context of globalization. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 3, pp. 39–44. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-3-39-44.
7. Likhachev V.N. *Problemy v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Problems in contemporary international law]. Kazan, Kazanskiy universitet Publ., 1985. 86 p.
8. Goldenberg R. Abuse of diplomatic immunity: is the government doing enough? *ILSA Journal of International & Comparative Law*, 1995, vol. 1, pp. 197–216.
9. Levin D.B. *Diplomaticheskiy immunitet* [Diplomatic Immunity]. Moscow, Izdatelstvo i 2-ya tip. Izdatelstva Akademii nauk SSSR Publ., 1949. 416 p.
10. Roditeleva Ya.N. Preliminary investigation of criminal cases with foreigners enjoying diplomatic immunity. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 119–125. EDN: ZQNVBN.
11. Gerfanova E.I. Criminal immunity of a diplomatic agent. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2018, vol. 2, no. 4, pp. 153–159. EDN: YQNSDJ.
12. Megret F. International Law as Law. *The Cambridge companion to International Law*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2012, pp. 64–92. DOI: 10.1017/CCO9781139035651.006.
13. Vagts D.F. Hegemonic International Law. *American Journal of International Law*, 2001, vol. 95, pp. 843–848. DOI: 10.2307/2674630.
14. Kapustin A.Ya. International Law and Challenges of the 21st Century. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 7, pp. 5–19. DOI: 10.12737/4819.
15. Magomedova O.S. Concept of international legal policy in foreign comparative legal studies. *Moscow journal of international law*, 2020, no. 3, pp. 27–43. DOI: 10.24833/0869-0049-2020-3-27-43.
16. Nagieva A.A., Samedova A.E. The history of the formation and development of the institution of diplomatic immunities and privileges in the United States. *Pravoprimenenie*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 16–26. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).16-26.
17. Barnes W. Diplomatic Immunity from Local Jurisdiction: Its Historical Development Under International Law and Application in United States Practice. *Department of State Bulletin*, 1960, vol. 43, no. 1011, pp. 173–182.
18. Goodman D.H. Reciprocity as a Means of Curtailing Diplomatic Immunity Abuse in the United States: The United States Needs to Play Hardball. *Houston Journal of International Law*, 1988, vol. 11, pp. 393–411.
19. Garnik L.Yu. Place of the Federal service of the troops of the national guards of the Russian Federation (Rosgvardy) in the system of law enforcement bodies. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2020, no. 2, pp. 188–191. EDN: FSSMBN.

Features of the movement of weapons across customs borders by diplomatic representatives using the example of the USA and Russia

© 2024

Vera V. Romanova*[1], PhD (Law),
assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law"
Valentina Yu. Moiseeva[2], PhD (Economics),
assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

***E-mail: vera1704@yandex.ru**

[1]ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9901-7667
[2]ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6611-4455

Received 09.01.2024 *Accepted 12.03.2024*

Abstract: Currently, there are no uniform, internationally standardized rules for the importation of weapons by diplomats into the territory of the receiving state. Since a significant number of issues concerning the legal status of diplomats are determined domestically by each state independently, the problem of the lack of a uniform practice of bringing diplomatic employees to the responsibility for the prohibited items importation arises. The paper presents a study of the problems of the admissibility of the firearms importation into the territory of a foreign state by certain categories of inviolable persons. The authors focus attention on various approaches to understanding the essence of state sovereignty. The paper considers the experience of foreign states in regulating the procedure for importing, storing and carrying weapons by foreign citizens. Particular attention is paid to legal regulation in the territory of the United States, where, despite the pure and simple weapon import ban for private citizens, in the case of the weapon import by security guards of diplomatic missions, an exception with prior approval is possible. The paper provides the information on the legal regulation of this issue within the territory of the Russian Federation. The provisions of the Federal Law "On Weapons" are analyzed, according to which foreign citizens, including diplomatic representatives, do not have the right to store, carry and use firearms in the territory of the Russian Federation on a long-term basis. The authors formulate the conclusion about the necessity of supplementing the Vienna Convention of 1961 with a provision on the procedure for the movement of firearms across customs borders for heads of diplomatic missions and consular institutions, members of the diplomatic staff of diplomatic missions, consular officials, as well as members of their families.

Keywords: diplomatic immunities; firearms; weapon importation; customs border crossing for selective types of goods.

For citation: Romanova V.V., Moiseeva V.Yu. Features of the movement of weapons across customs borders by diplomatic representatives using the example of the USA and Russia. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1, pp. 13–19. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-13-19.

УДК 340.11
doi: 10.18323/2220-7457-2024-1-20-27

Нетипичные формы государственного устройства: на примере империи

© 2024

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1543-0375

Поступила в редакцию 15.01.2024 *Принята к публикации 05.03.2024*

Аннотация: В науке теории государства и права назрела проблема, связанная с классификацией форм государственного устройства. Традиционный подход к форме государственного устройства, в рамках которого принято выделять единые (унитарные) и составные (федеративные) государства, не отражает современных реалий. В правовой науке отсутствуют четкие критерии деления государств на единые и составные. В статье рассматриваются различные подходы к проблеме классификации форм государственного устройства в современной теории права. Автор приходит к выводу, что традиционный трехэлементный подход к форме государства (форма правления, форма устройства и политический режим) методологически исчерпал себя и не отражает сложившегося на практике положения вещей. Все элементы формы государства тесно взаимосвязаны, находятся в неразрывном диалектическом единстве. Форма государственного правления во многом определяет и форму территориального устройства, а также методы взаимодействия власти с населением (политический режим). От формы правления во многом зависит характер взаимоотношений центра с регионами (субъектами), базирующийся на принципе централизации или децентрализации. Как правило, республиканская форма правления детерминирует федеративную (децентрализованную) форму государственно-территориального устройства и демократический политический режим. Вместе с тем от политического режима во многом зависит реальная возможность функционирования республиканских институтов (выборность и сменяемость органов государственной власти) и реализация принципов федерализма (фактическая самостоятельность составных частей государства). В условиях авторитарного (тоталитарного) политического режима республиканская форма государственного правления и федеративная форма государственного устройства, закрепленные в законодательстве, носят условный характер – фактически они не могут быть реализованы. Цель работы – анализ форм государственного устройства в современной теории права и выявление существенных признаков империи как особой формы государственного устройства.

Ключевые слова: нетипичные формы государственного устройства; форма государственного устройства; форма государства; государственное устройство; форма территориального устройства; классификация форм государственного устройства; империя.

Для цитирования: Сквозников А.Н. Нетипичные формы государственного устройства: на примере империи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-20-27.

ВВЕДЕНИЕ

В науке теории права существует серьезная проблема, связанная с классификацией форм государственного устройства. Традиционный подход к форме государственного устройства, в рамках которого принято выделять единые (унитарные) и составные (федеративные) государства, не отражает современных реалий. В государственном устройстве некоторых современных государств (Великобритании, Испании, Японии, Новой Зеландии и др.) можно наблюдать смешение признаков двух форм государственного устройства (унитарного и федеративного). Появление гибридных форм государственного устройства не вписывается в существующую в теории права типологию форм государства и с трудом может быть применено к государствам предшествующих исторических эпох. Отсутствие четких критериев деления государств на простые и сложные приводит к тому, что правовая наука оказалась чрезмерно насыщена различными типами государственного (территориального) устройства. Например, помимо двух устоявшихся в правовой науке форм территориального устройства государственной власти – унитарной и федеративной – некоторые исследователи выделяют специфические (нетипичные) формы: «децентрализованное унитарное государство», «региональное государство», «государство переходного типа», «квазифедерация» и др. [1]. Данные понятия применяются для характеристики тех государств (современных или существовавших ранее), территориальное устройство которых отличается от традиционной классификации (унитарное или федерация). Ряд исследователей признает, что так называемые «децентрализованные унитарные государства» и «региональные государства» по своей сути имеют федеративное устройство, но официально в их конституциях это положение не закреплено в силу политических причин [2].

Классификация форм государственного устройства является актуальной проблемой в теории права, поскольку неопределенность критериев выделения различных его

форм приводит к размыванию границ между сущностными признаками отдельных форм государственного устройства. Теоретико-правовая наука заинтересована в поиске адекватных критериев для классификации форм государственного устройства, а также выработке единого подхода к определению формы государственного устройства, применимого к современным государствам. Сложившийся в теории права понятийно-категориальный аппарат не позволяет в полной мере провести идентификацию некоторых современных государств, в территориальном устройстве которых сочетаются признаки федерации и унитарного государства, что является серьезной методологической проблемой. Во многом это связано с тем, что на практике существует серьезный разрыв между реально сложившейся практикой реализации властных полномочий в том или ином государстве и юридически закрепленным в его конституции положением о форме правления и устройства [3].

В отечественной теории права утвердился научный подход, в соответствии с которым форма государства включает в себя три элемента: форму государственного правления, форму государственного устройства и политический режим. Данного подхода придерживались советские ученые-правоведы, и он был унаследован большинством современных российских ученых-теоретиков права, среди которых А.В. Поляков, М.В. Антонов, С.А. Комаров, В.Н. Протасов, Н.И. Матузов, А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.А. Ромашов и др.

В современной юридической науке получила развитие идея о том, что классический подход к форме государства следует дополнить более общей универсальной классификацией форм государства на основе синтеза формы правления, формы территориального устройства и политического режима. Такой подход к форме государства называют системным [4]. Системного подхода к форме государства придерживаются Д.А. Авдеев, Э.А. Ахвердиев, В.Е. Чиркин, Ю.А. Дмитриев, В.О. Миронов, И.В. Столяров. В качестве альтернативы традиционному подходу к форме государственного устройства представители системного подхода предлагают разделить все государства по форме на три группы: монократические, поликратические и сегментарные [5]. В основе данной классификации лежит степень централизации государственной власти на горизонтальном и вертикальном уровне. В рамках данного подхода монократия (единовластие) представляет собой форму государства, для которой характерно сосредоточение государственной власти в руках одного лица или органа (партии). В условиях монократии отсутствует разделение власти на три ветви, автономия административно-территориальных единиц государства носит формальный характер, отсутствует реальная самостоятельность местных органов власти, преобладают авторитарные методы осуществления государственной власти [1]. Такая форма государства существовала в восточных деспотиях Древнего мира, в Древнем Риме периода империи, в абсолютных монархиях эпохи Средневековья и Нового времени, в авторитарных государствах Новейшего времени. Например, в Германии в период правления национал-социалистов, в 30–50-е годы в Советском Союзе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Камбодже и некоторых других странах мира во второй половине XX века. Среди современных государств к числу монократических некоторые исследователи относят Саудовскую Аравию, ОАЭ, Оман, Катар. В рамках данной классификации некоторые исследователи относят Российскую Федерацию по форме государственного устройства к конституционной монократии, для которой характерно сосредоточение в одном политическом центре значительного объема властных полномочий по государственному управлению [5]. В современных монократиях максимальный объем полномочий сосредоточен в руках главы государства, политический вес других органов государственной власти, прежде всего представительных органов, нивелирован, что фактически означает их декоративный характер [6].

Поликратия – это такая форма государственного правления, для которой характерно сбалансированное распределение публично-властных полномочий как между центральными органами государственной власти, так и между центром и административно-территориальными единицами (субъектами) государства. Отдельные регионы обладают определенной самостоятельностью, существует развитое местное самоуправление, преобладают демократические методы государственного управления. Таким образом, в поликратии принцип разделения властей реализуется как на горизонтальном, так и на вертикальном уровне. Примерами государств с поликратической формой государственного устройства являются США, Франция, Швеция, ФРГ, Бразилия и др.

Промежуточное положение между монократической и поликратической формами государственного устройства занимает сегментарная форма государства. Здесь допускается известное разделение властных полномочий между различными органами государства, но баланса, равновесия не существует. При сегментарной форме государства присутствуют некоторые элементы автономии административно-территориальных единиц. К государствам с сегментарной формой устройства относят Индонезию, Малайзию, многие страны Латинской Америки.

Автор выявил факт постепенного стирания границ между сущностными признаками различных форм государственного устройства. Предлагается подход, в соответствии с которым все существующие государства по форме устройства можно разделить на централизованные, децентрализованные и смешанные.

Империя представляет собой смешанную форму государственного устройства, для которой характерно сочетание принципов централизованного и децентрализованного управления, а также неоднородность правового статуса ее составных частей (регионов), включая объем предоставленных властных полномочий и степень их самостоятельности. Централизованная система управления в империях, как правило, устанавливается в регионах, где проживает государствообразующий этнос (этносы), но для национальных окраин устанавливается децентрализованная система управления, предполагающая широкую автономию (за исключением вопросов внешней политики).

В рамках системного подхода империю следует относить к монократии – форме государства, включающей монархическую форму правления, унитарную форму государственного устройства и авторитарный политический режим.

Цель работы – проанализировать классификацию форм государственного устройства в современной теории права и выявить существенные признаки империи как особой формы государственного устройства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Применялся сравнительно-правовой метод, а также методы анализа и толкования. Данные исследовательские приемы позволили выявить противоречие между существующей в теории права типологией форм государственного устройства и фактически сложившимся на практике взаимодействием центра с регионами при реализации государствами своих властных полномочий.

Последовательность изложения материала предполагает поступательное раскрытие следующих смысловых блоков:

1) анализ понятия формы государства с позиции теории права;

2) выявление взаимосвязей, взаимодействия и противоречий между элементами формы государства;

3) установление критериев классификации типов государств по форме устройства;

4) исследование нетипичных форм государственного устройства, выпадающих из общепринятой типологии;

5) формулирование сущностных признаков империи как формы государственного устройства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ понятия формы государства с позиции теории права

В правовой науке под формой государства традиционно принято понимать совокупность признаков, характеризующих государство по трем параметрам: 1) с точки зрения способа организации и объема полномочий высших органов государственной власти (форма правления); 2) с точки зрения административно-территориального деления пространства государственной юрисдикции (форма административно-территориального устройства); 3) с точки зрения средств и методов, используемых государственным механизмом для осуществления управленческой деятельности (политический режим).

Форма государственного (административно-территориального) устройства как элемент формы государства характеризует способ реализации государством власти в пределах своей территории и порядок взаимодействия государства с его составными частями – административно-территориальными единицами.

В правовой науке традиционно принято выделять две основные формы государственного устройства – унитарное государство и федеративное государство. Отдельные исследователи выделяют в качестве самостоятельной формы государственного устройства конфедерацию, отмечая, что она является переходной формой, в которой сочетаются признаки единого государства и союза суверенных государств. Некоторые авторы полагают, что конфедерация не является формой государственного устройства, а представляет собой форму международного сотрудничества нескольких государств [7]. Конфедерации как объединения государств создавались ранее для достижения главным образом внешнеполитических и военных целей.

Основным критерием классификации государств по форме государственного устройства выступает наличие у административно-территориальных единиц государства государственно-властных полномочий и их объем. Характерной чертой федерации и других видов сложных государств является разделение важнейших полномочий государственной власти, в том числе законотворчества, судопроизводства и налогообложения, между центральными органами государственной власти (власть федерации) и региональными органами государственной власти (власть субъектов федерации). Федерация как форма государственного устройства исторически складывалась как добровольный союз, состоящий из бывших ранее суверенными государств, но в итоге объединенных под властью одного центра. Примерами таких федераций являются США, ФРГ, Бельгия, Швейцария, Советский Союз. Как правило, федерации и конфедерации являются многонациональными и многоконфессиональными государствами, поэтому отдельным регионам здесь предоставлена известная степень самостоятельности путем наделения их государственно-властными полномочиями – как определенный компромисс между центром и периферией (национальными окраинами). В свою очередь, унитарные государства являются в основном централизованными, в них существует единая система государственной власти. Вместе с тем административно-территориальные единицы унитарного государства могут иметь определенную автономию и наделяться некоторыми государственными полномочиями. Такая форма государственного устройства получила название децентрализованного унитарного государства [2]. Следует отметить, что децентрализованное унитарное государство, в сущности, мало чем отличается от федерации.

Некоторые государства, формально (по конституции) являющиеся унитарными, функционируют на принципах федерализма. Так, в конституции унитарной Испании закреплено право автономных сообществ (административных единиц Испанского королевства) на формирование собственных органов законодательной, исполнительной и судебной власти[1], что, по сути, является признаком правового статуса субъекта федерации. Таким образом, в международном сообществе встречаются государства, которые юридически являются унитарными, но по некоторым показателям автономии и самоуправления своих регионов они превосходят многие страны, официально являющиеся федерациями. Например, если сравнивать официально унитарные государства Италию и Испанию с Индийской республикой, юридически являющейся федерацией, то степень децентрализации властных полномочий по вертикали у первых значительно выше, чем у второй [8]. В этом случае мы наблюдаем смешение двух форм государственного устройства при отсутствии четких критериев выделения различных их форм. Смешанные

[1] *Конституция Испанского королевства от 27 декабря 1978 г. URL: https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf.*

формы территориального устройства, сочетающие в себе элементы унитарного и федеративного государства, в научной литературе получили наименование «регионалистские государства», «переходные государства», а также «гибриды федерации и унитарного государства» [9]. Можно констатировать, что понятия «федеративное государство» и «унитарное государство» являются смежными, неразрывно связанными друг с другом. В современном мире трудно найти унитарное государство, которое совершенно не имело бы черт, характерных для федераций, и, соответственно, федерацию без признаков, свойственных унитарному государству.

Унитарное государство и федерация являются двумя устоявшимися в правовой науке типичными формами государственного устройства. На наш взгляд, данная классификация применима лишь к государствам Новейшего времени, но не отражает сущности административно-территориального устройства государств в предшествующие исторические эпохи.

Нетипичные формы государственного устройства

Некоторые исследователи выделяют различные нетипичные формы государственного устройства. В частности, в научной среде стало принято выделять наряду с государствами и межгосударственные объединения, обладающие признаками децентрализованного составного государства, которые вместе с тем не принято относить к федерации. Подобные образования представляют собой союз государств, сохраняющих свой суверенитет, но делегирующих ряд своих полномочий надгосударственным органам. К подобным видам межгосударственных объединений относят конфедерацию, инкорпорацию, кондоминиум, протекторат, содружество государств, сюзеренитет, унию, империю.

Исторически наиболее ранней формой интеграции государств принято считать империю, под которой обычно понимают насильственное объединение государств, осуществленное путем завоевания либо оказания иного вида давления (экономического, политического и т. п.). Империям свойственны обширная территория, сильная централизованная власть, асимметричные отношения господства и подчинения между центром и периферией, разнородный этнический и культурный состав населения.

В период средневековья на международной арене появились такие формы объединений государств, как протекторат и сюзеренитет. Протекторат представляет собой такой правовой союз между государствами, при котором одно государство оказывает внешнеполитическое и военное покровительство другому, фактически зависимому от него государству. Во внутренней политике последнее обладает определенной самостоятельностью. При этом соответствующие органы покровительствующего государства одновременно осуществляют компетенцию защищаемого государства. Протекторат возможен на начальном этапе отношений между бывшими колониями и их метрополией. Сюзеренитет как форма международно-правовых отношений существовал между сильными и более слабыми (вассальными) государствами. Эти два вида схожи по характеру отношений между государствами – участниками объединений, однако при возникновении сюзеренитета (как и империи) присутствует фактор подавления воли более слабого государства. Подобные объединения государств в настоящее время не встречаются. Среди монархических государств в свое время получил распространение такой вид их объединения, как уния – общность государств, возникшая в результате присоединения одного государства к другому и возглавляемая единым монархом. Государства, входящие в унию, как правило, сохраняли свой суверенитет [10].

Империя как форма государственного устройства

Рассмотрим более подробно такую форму государства, как империя. Разные исследователи вкладывают в понятие «империя» различное политико-правовое содержание, называя империю и формой государства, и типом государства, и государственным союзом, состоящим из нескольких стран и народов (доминионы, колонии), объединенных вокруг единого политического центра (метрополии) и находящихся, как правило, под властью единого монарха. Империю как форму государства иногда называют «страной стран» во главе с монархом (императором) [11].

На наш взгляд, империя – это не просто форма административно-территориального устройства государства. Империя – это особая политико-правовая интегрированная форма государства, которая, как правило, включает в себя монархическую форму правления и форму территориального устройства, при которой в состав государства входят регионы, обладающие определенной самостоятельностью в решении национально-культурных и религиозных вопросов. Кроме того, характерным признаком империи является особая форма внешней политики, направленная на постоянное расширение своего влияния, присоединение новых территорий (колоний, сателлитов) и создание протекторатов – системы зависимых территорий, а также постоянное включение новых регионов в сферу своего влияния и интеграцию этих территорий на основе общих ценностей (идеологии)[2].

Существует мнение, что в рамках современной теории государства и права империю не следует считать формой государственного устройства: данный феномен используется в правовой науке для обозначения определенного пути построения государства [12].

Империя может иметь «подвижные» границы, т. е., помимо собственно государственной территории, существует еще имперское пространство – соседние страны и народы либо отдельные части света и континенты, которые входят в сферу влияния имперского государства и для которых империя становится центром притяжения. Примерами таких империй можно назвать Рим, Византию, Испанию, Британию, Османское государство, Монголию, Россию в известный исторический период. На определенном этапе своего развития государство-империя начинает осуществлять экспансию, распространяя свою власть далеко за пределы официальных границ государства, стремится стать

[2] *Сквозников А.Н. Империя как форма государства: теоретико-правовые аспекты // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов XI Всероссийской научной конференции. Самара: САМАРАМА, 2023. С. 205–207. EDN: ZWARYI.*

мировой державой. Вместе с тем с ростом экспансии начинает проявляться уязвимость империи, в первую очередь ее окраин [13].

Таким образом, одним из ключевых признаков империи как государства является ее внешнеполитическая деятельность. Империя – это государство с постоянно активной и даже агрессивной внешней политикой, направленной на присоединение новых территорий, которые ранее имели статус независимых государств, но ослабли и потеряли своей суверенитет.

Неслучайно некоторые исследователи подчеркивают, что империи создаются и существуют с целью захвата и удержания в своем составе суверенных соседних государств [13]. Империи обычно создаются насильственным путем, но возможно и добровольное вхождение государств в состав империи. Сущность управления империей сводится к силовому удержанию центром своих окраин (периферии) [14].

При исследовании государств-империй в современной науке все чаще используется термин «композитарная монархия» – крупноразмерное государство со сложной структурой управления автономными или полуавтономными административно-территориальными единицами – композитами [15]. В зарубежной научной литературе для обозначения государств-империй применяются такие термины, как «составная монархия» [16], «династическая агломерация» [17], «субординированное королевство» [18]. Выявляя сущность феномена империи, некоторые западные ученые акцентируют внимание не на формально-юридических аспектах территориального устройства данного государства, но ставят во главу угла этнокультурные и этнополитические процессы, происходящие внутри государства, которые, по их мнению, определяют сущностные черты империи.

Империи как особые формы государственного устройства сходят с политической сцены после окончания Первой мировой войны. Это связано с тем, что в XX веке в международных отношениях стал преобладать в основном добровольный – конституционный или договорный – способ объединения, исключающий экспансию [19]. На смену империям окончательно приходят национальные государства. Заслуживает внимание точка зрения, что в Новейшее время происходит трансформация бывших империй в федерации как сложносоставные государства. Например, преобразование Российской империи в федеративное советское государство (Советский Союз), Германской империи в Федеративную республику Германии, а также федерализация Британской империи в XX веке.

Некоторые авторы полагают, что империя является политико-правовой формой локальной цивилизации, сочетающей в своей территориальной организации различные принципы государственного устройства (децентрализацию, автономию, федерализм, конфедерализм) при стойкой тенденции к унитаризму, использующему непрямые способы контроля входящих в его состав этнополитических образований и основанному на безусловном духовно-идеологическом авторитете верховной имперской власти [20]. Непрямое правление выражается в том, что центральная власть осуществляет фискальный и военный контроль над подчиненными областями, действуя через посредников – местную элиту, которая пользуется существенной автономией в своих владениях, предоставляя в ответ центральной власти послушание, дань и военное сотрудничество [21].

Ряд ученых относят империю, наряду с федерацией, конфедерацией и унией, к сложной форме государственного устройства, для которой характерно наличие в составе одного государства других государственных образований [22]. Это утверждение в целом является справедливым, но остается неясным, чем в таком случае империя принципиально отличается от федерации или конфедерации, которые, по сути, также являются союзом государств, но с разной степенью централизации. Можно предположить, что отличие состоит в том, что федерация – это добровольное объединение государств на основе договора, а империи в основном создаются в результате принудительного объединения нескольких государств после захвата их территорий.

Другие авторы, наоборот, полагают, что империя – это разновидность унитарного (простого) государства, т. е. такая форма государственного устройства, при которой административно-территориальные образования не имеют политической (государственно-правовой) самостоятельности. Империя допускает существование частей общего государства только в статусе провинций, создаваемых по смешанному национально-территориальному признаку, с назначаемой сверху администрацией, функционирующих в режиме жесткого подчинения центральной власти [23]. Многие авторы сходятся во мнении, что для ведущих империй периода Нового времени (Британской, Российской, Османской) была характерна централизованная система управления, не допускающая какой-либо политической самостоятельности отдельных регионов [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной теории права в рамках традиционного подхода к форме государства империю следует считать разновидностью унитарного государства с различной степенью централизации в отдельно взятых государствах. Если применять системный подход к форме государственного устройства, то империю следует отнести к монократии. В рамках данного подхода империя как форма государства сочетает в себе три элемента: монархическую форму правления, унитарную форму государственного устройства и авторитарный политический режим.

В широком смысле империю можно рассматривать как самостоятельный тип государства, для которого характерны следующие атрибуты: гибридная форма территориального устройства, сочетающая элементы централизации и децентрализации; различный правовой режим в отдельных регионах и различный правовой статус подданных; особая форма внешнеполитической деятельности; многонациональный и многоконфессиональный состав населения. Данные признаки могут быть не закреплены в законодательстве государства-империи, они характеризуют фактически сложившиеся отношения. В широком смысле к фактическим империям как самостоятельному типу государства можно отнести некоторые государства, которые юридически представляли собой федерации с республиканской формой правления, но фактически являлись империями, например Советский Союз и Соединенные Штаты Америки в XX веке.

В империи зачастую складываются неформальные, не закрепленные в законодательстве особые отношения господства и подчинения (сюзеренитета-вассалитета) между главой государства и главами отдельных национальных образований (окраин). Причем уровень самостоятельности различных национальных регионов, входящих в состав государства-империи, может отличаться и определяется во многом степенью лояльности местных элит по отношению к центральной власти – главе государства.

Осуществляя научную классификацию форм государственного устройства, следует различать формальные (юридические) и содержательные (фактические) критерии и признаки. К формальным критериям можно отнести закрепленный в законодательстве того или иного государства порядок распределения полномочий между центром и регионами (составными частями государства), в том числе право принимать свои нормативные акты, возможность устанавливать местные налоги и сборы, устанавливать свое гражданство, право на сецессию. Фактическим критерием является реальная возможность в условиях существующей формы правления и политического режима у отдельных административно-территориальных единиц государства (штатов, провинций, кантонов, земель, республик, областей и т. д.) использовать предоставленные им властные полномочия, проявлять свою самостоятельность в решении многих вопросов местного значения без вмешательства центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Классификация форм государственного устройства: методологический аспект // Государство и право. 2011. № 6. С. 13–21. EDN: NWEBMR.
2. Снетков В.Н., Фомина Н.А. Критерии классификации унитарных государств // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные. 2011. № 1. С. 36–42. EDN: OIARTB.
3. Ахвердиев Э.А. Форма государства сквозь призму системного подхода // Политика и Общество. 2018. № 12. С. 10–20. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.12.28337.
4. Авдеев Д.А. Юридическая природа, содержание и виды форм правления: новый взгляд и уход от стереотипов (к постановке проблемы) // Государство и право. 2015. № 12. С. 30–37. EDN: VCGYXX.
5. Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть 2 // Государство и право. 2023. № 9. С. 87–96. DOI: 10.31857/S102694520027736-0.
6. Боброва Н.А. Форма правления России: прошлое, настоящее, перспективы // Государство и право. 2019. № 4. С. 20–30. DOI: 10.31857/S013207690004647-3.
7. Ланг П.П. Формы государственного устройства: понятие и факторы, влияющие на их становление // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 8–12. EDN: HKAZUI.
8. Дзидзоев Р.М. Федерация как форма государственного устройства: конституционные иллюзии и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 50–53. EDN: JJXAMQ.
9. Лексин И.В. Формы государственного (территориального) устройства: понятие и типология // Современное общество и право. 2013. № 4. С. 12–21. EDN: RVBPWD.
10. Малофеев К.В. О понимании унии как формы объединения монархических государств // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 30–34. EDN: YZZXXD.
11. Павлова С.В. Империя как политико-правовая категория (к 300-летию провозглашения России империей) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4. С. 18–22. EDN: XTKMIT.
12. Исаев И.А. Государство – фантом, или «воображаемая империя» («северные мотивы») // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4. С. 9–51. EDN: YSQQZF.
13. Мартышкин С.А. Империи в истории ранней государственности // Основы экономики, управления и права. 2013. № 3. С. 28–31. EDN: RBHFEF.
14. Богомолов С.А. Империя: исторический тип или современная форма государства? // Юридическая мысль. 2011. № 3. С. 5–14. EDN: OGBKOT.
15. Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0.
16. Russell C. Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example // Uniting the Kingdom? The Making of British History. London, 1995. P. 133–146.
17. Morrill J. Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720 // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 17–43. DOI: 10.1017/9781108225083.002.
18. Scott H. Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe's Long Seventeenth Century // Monarchy Transformed: Princes and their Elites in Early Modern Western Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 44–86. DOI: 10.1017/9781108225083.003.
19. Шишков В.В. Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 163–172. DOI: 10.17223/1998863X/48/16.
20. Грачёв Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2012. № 2. С. 18–28. EDN: OICCAO.
21. Солодова Г.С. Форма государственного устройства: терминологический аспект понятия империя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 4. С. 361–366. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366.
22. Скорик А.П., Невеселов А.А. Империя как форма государства: концепт и российский дискурс // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 15–28. DOI: 10.22394/2074-7306-1-2-15-28.
23. Асеев А.Д., Шишков В.В. Модернизация государственного управления в империях нового времени: сравнительный политологический анализ // Управление. 2018. № 1. С. 44–50. EDN: YWJMCJ.

24. Румянцев П.А. Исторические особенности развития формы государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 3. С. 38–42. EDN: ZISUGR.

REFERENCES

1. Dmitriev Yu.A., Mironov V.O. Classification of the forms of the state system: methodological aspect. *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no. 6, pp. 13–21. EDN: NWEBMR.
2. Snetkov V.N., Fomina N.A. Criteria for classification of unitary states. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye*, 2011, no. 1, pp. 36–42. EDN: OIARTB.
3. Akhverdiev E.A. The form of the state through the prism of a systematic approach. *Politika i Obshchestvo*, 2018, no. 12, pp. 10–20. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.12.28337.
4. Avdeev D.A. Legal nature, contents and the types forms of the government: new look and care of stereotypes (to statement of the problem). *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 12, pp. 30–37. EDN: VCGYXX.
5. Avdeev D.A. So what is the form of government in Russia? Part 2. *Gosudarstvo i pravo*, 2023, no. 9, pp. 87–96. DOI: 10.31857/S102694520027736-0.
6. Bobrova N.A. On the form of government of Russia: past, present, prospects. *Gosudarstvo i pravo*, 2019, no. 4, pp. 20–30. DOI: 10.31857/S013207690004647-3.
7. Lang P.P. State structure forms: the concept and factors affecting the development thereof. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2023, no. 11, pp. 8–12. EDN: HKAZUI.
8. Dzidzoev R.M. Federation as a form of the state structure: constitutional illusions and reality. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2021, no. 4, pp. 50–53. EDN: JJXAMQ.
9. Leksin I.V. Forms of territorial organization of the state: concept and typology. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*, 2013, no. 4, pp. 12–21. EDN: RVBPWD.
10. Malofeev K.V. On the understanding of union as a form of association of monarchical states. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2023, no. 9, pp. 30–34. EDN: YZZXXD.
11. Pavlova S.V. Empire as a political and legal category (to the 300th anniversary of the Russian empire). *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*, 2021, no. 4, pp. 18–22. EDN: XTKMIT.
12. Isaev I.A. A phantom state, or an imaginary empire (“northern” motives). *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2017, no. 4, pp. 9–51. EDN: YSQQZF.
13. Martyshkin S.A. Empires in history of early states. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*, 2013, no. 3, pp. 28–31. EDN: RBHFEF.
14. Bogomolov S.A. The empire: historical type or modern form of state? *Yuridicheskaya mysl*, 2011, no. 3, pp. 5–14. EDN: OGBKOT.
15. Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. The British composite monarchy: supreme power and ethnocultural processes. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2022, no. 5, pp. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0.
16. Russell C. Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example. *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. London, 1995, pp. 133–146.
17. Morrill J. Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720. *Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2017, pp. 17–43. DOI: 10.1017/9781108225083.002.
18. Scott H. Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe’s Long Seventeenth Century. *Monarchy Transformed: Princes and their Elites in Early Modern Western Europe*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2017, pp. 44–86. DOI: 10.1017/9781108225083.003.
19. Shishkov V.V. Empire in the representation of the theory of nation and nationalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, no. 48, pp. 163–172. DOI: 10.17223/1998863X/48/16.
20. Grachev N.I. Empire as a form of state: definition and characteristics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*, 2012, no. 2, pp. 18–28. EDN: OICCAO.
21. Solodova G.S. Forms of state structure: terminological aspect of the concept of empire. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2019, vol. 4, no. 4, pp. 361–366. DOI: 10.21603/2500-3372-2019-4-4-361-366.
22. Skorik A.P., Neveselov A.A. Empire as a state form: concept and Russian discourse. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2019, no. 2, pp. 15–28. DOI: 10.22394/2074-7306-1-2-15-28.
23. Aseev A.D., Shishkov V.V. Modernization of government management in empires of new time: comparative political analysis. *Upravlenie*, 2018, no. 1, pp. 44–50. EDN: YWJMCJ.
24. Rumyantsev P.A. Historical peculiarities of development of the state form. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 3, pp. 38–42. EDN: ZISUGR.

Atypical forms of state structure: the example of an empire

© 2024

Aleksandr N. Skvoznikov, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1543-0375

Received 15.01.2024 *Accepted 05.03.2024*

Abstract: In the science of the theory of state and law, a problem related to the classification of forms of state structure has arisen. The traditional approach to the form of state structure, within which it is customary to distinguish unified (unitary) and constituent (federal) states, does not reflect contemporary life realities. There are no clear criteria in legal science for dividing states into unified and constituent ones. The paper considers various approaches to the problem of classifying forms of state structure in contemporary legal theory. The author concludes that the traditional three-element approach to the form of state (form of government, form of organization and political regime) has methodologically exhausted itself and does not reflect the current state of affairs. All elements of the state form are closely interrelated and are in an unbreakable dialectical unity. The form of government largely determines the form of the territorial structure, as well as the methods of interaction between the authorities and the population (political regime). The nature of the relationship between the center and the regions (constituent entities) based on the centralization or decentralization principle, largely depends on the form of government. As a rule, the republican form of government determines the federal (decentralized) form of state-territorial structure and the democratic political regime. At the same time, the real possibility of functioning of republican institutions (election and alternation of government authorities) and the implementation of the federalism principles (the actual independence of the constituent parts of the state) largely depend on the political regime. In the context of an authoritarian (totalitarian) political regime, the republican form of government and the federal form of government enshrined in legislation are conditional in nature – in fact, they cannot be implemented. The purpose of the work is to analyze the forms of state structure in contemporary legal theory and identify the essential features of empire as a special form of state structure.

Keywords: atypical forms of state structure; form of state structure; form of state; state structure; form of territorial structure; classification of forms of state structure; empire.

For citation: Skvoznikov A.N. Atypical forms of state structure: the example of an empire. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1, pp. 20–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-20-27.

УДК 343.131.8
doi: 10.18323/2220-7457-2024-1-28-34

Влияние правового менталитета на тип уголовного судопроизводства России

© 2024

Шестакова Любовь Александровна, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6374-1880

Поступила в редакцию 12.02.2024 *Принята к публикации 14.03.2024*

Аннотация: В статье анализируются перспективы разработки нового уголовно-процессуального закона взамен утратившего системность Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) 2001 г. Используя юридические методы научного исследования, а также культурологический метод, автор анализирует цель уголовно-процессуальной деятельности, исторические предпосылки ее формирования и закрепления, а также состязательность как идеальную форму современного уголовного процесса. В статье показано, что либеральные правовые ценности, закрепленные в виде цели и системы принципов УПК РФ 2001 г., не отражают реальные интересы российского общества в публичной сфере. Полагая, что определение цели уголовного процесса и места состязательности в системе его принципов является методологической ошибкой законодателя, автор вносит ряд концептуальных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона. Автор предлагает уточнить формулировку целей и задач уголовного судопроизводства с учетом специфики правового менталитета россиян. При формулировании цели уголовно-процессуальной деятельности необходимо отразить устремленность уголовного процесса к правильному установлению фактических обстоятельств произошедшего, достигаемого за счет многократной проверки фактов в разных процедурах и разными должностными лицами. Сформулированные в УПК РФ задачи уголовно-процессуальной деятельности должны реализовываться в досудебном и судебном производствах разными субъектами уголовного процесса. К задачам уголовно-процессуальной деятельности предложено отнести: установление виновного и назначение ему наказания; оправдание невиновного и его реабилитацию; установление фактических обстоятельств произошедшего; защиту прав и свобод личности. Состязательность должна быть исключена из числа принципов уголовного процесса, а сам уголовный процесс организован по смешанному типу с розыскным досудебным производством и состязательным судебным производством.

Ключевые слова: уголовный процесс; цель уголовного судопроизводства; принципы уголовного процесса; состязательность; романо-германская правовая семья; правовой менталитет; правосознание; назначение уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Шестакова Л.А. Влияние правового менталитета на тип уголовного судопроизводства России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1. С. 28–34. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-28-34.

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР и образования нового государства, Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 г. закрепил состязательную модель уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ) и систему демократических принципов, что соответствовало новой социально-экономической и политической действительности. Значимость состязательной модели при обсуждении проектов УПК РФ обосновывалась процессом глобализации, унификацией правовых систем различных государств, а также экономическими принципами рыночной экономики [1]. Частная собственность, права и свободы гражданина, демократия, рыночная экономика стали универсальными ценностями для всех государств.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ 1993 г. права и свободы человека и гражданина стали высшей ценностью, а их обеспечение – прямой обязанностью государства. Раскрывая содержание положений Конституции, УПК РФ в качестве назначения уголовно-процессуальной деятельности в ст. 6 закрепил защиту прав и свобод потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, чем реализовал один из главных постулатов либеральной правовой концепции, сформировавшейся под влиянием западной правовой мысли (Дж. Локк, Т. Пэйн, Т. Джефферсон, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, Вольтер, Г. Гроций) и идей протестантизма.

Поскольку российское общество является конечным потребителем, заинтересованным в результате уголовного судопроизводства, оценка качества уголовного процесса должна осуществляться с привлечением населения, посредством изучения и обобщения его мнения [2]. Однако либеральные правовые ценности, закрепленные в виде цели и системы принципов УПК РФ 2001 г., не отражают реальных интересов российского общества в публичной сфере.

Выстроенный на западных либеральных ценностях УПК РФ неоднократно изменялся и редактировался. К 2022 г. практически каждая статья УПК РФ была исправлена или пересмотрена, в связи с чем кодекс полностью утратил свою системность [3].

За годы его применения состязательность из системообразующего принципа уголовного процесса фактически преобразовалась в общее условие судебного разбирательства, что отбросило современный уголовный процесс к дореформенным позициям. В связи с этим многие процессуалисты отмечают, что уголовно-процессуальный закон в действующей редакции противоречив и сложен для применения на практике, поэтому требует концептуальной переработки и принятия на его основе нового уголовно-процессуального закона «второй волны», как это было сделано практически во всех странах СНГ [2; 4; 5]. Кардинально новое видение уголовно-процессуальной политики было отражено в УПК Молдовы и Казахстана. Более консервативные варианты кодексов были приняты в Беларуси, Таджикистане, Узбекистане и др. При этом все чаще звучат рассуждения о том, что новый уголовно-процессуальный закон должен базироваться на принципиально новых концептуальных и нравственных основаниях, отражающих черты правового менталитета россиян [5].

Цель исследования – определение основных направлений развития уголовно-процессуального законодательства России «второй волны», где в качестве таковых предложено пересмотреть назначение уголовного процесса и закрепить его задачи, исключить состязательность из числа принципов гл. 2 УПК РФ, однозначно утвердив в законе смешанную организацию уголовного-процессуальной деятельности с розыскным досудебным производством и состязательным судебным производством.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании был реализован межотраслевой подход. Использование методов других наук позволило выйти за пределы одной отрасли права для комплексного решения проблем уголовного процесса как одного из видов социальных регуляторов отношений. Использование диалектического, системно-структурного, исторического, культурологического, сравнительно-правового, формально-юридического методов познания позволило сформулировать предложение о необходимости концептуального реформирования уголовного процесса России с учетом ценностей правового менталитета.

Описываемое в статье исследование предполагает поэтапное раскрытие следующих смысловых блоков:

– анализ категории «цель судопроизводства» в контексте евразийского и либерального подходов к пониманию государства и права;

– определение влияния правового менталитета россиян на тип уголовного судопроизводства;

– формулирование цели и задач уголовного судопроизводства с учетом ценностей национального правового менталитета;

– определение места состязательности в системе уголовно-процессуального законодательства с учетом правового менталитета.

На каждом из этапов анализировалась научная литература по теме исследования, сопоставлялись нормы, закрепляющие назначение и систему принципов уголовного процесса, с ценностями правового менталитета россиян.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Разница в целях уголовного процесса в контексте евразийского и либерального подходов к пониманию государства и права

Возникнув как ответ государства на преступные проявления в обществе, уголовный процесс с первых его исторических форм отражал способность государства противостоять преступности и защищать права граждан. При создании механизма уголовно-процессуальной деятельности влияние на форму уголовного процесса естественным образом оказывали настроения населения, степень участия граждан в отправлении правосудия, уровень доверия населения государству и праву и др. [2].

В разные исторические периоды к категориям, рассматриваемым в качестве цели (предмета стремления, того, что надо, желательно осуществить) уголовного процесса, относились: наказание преступника, освобождение от ответственности невиновного, назначение справедливого наказания виновным и ограждение от наказания невиновных. Однако общепризнанной научной позиции относительно определения цели уголовного процесса до сих пор не сложилось, дискуссионным продолжает оставаться соотношение цели и назначения уголовного судопроизводства [6].

Разноплановость категорий, которые рассматриваются в качестве цели уголовного процесса, и длительная дискуссия среди ученых-процессуалистов по этому вопросу являются следствием разных концептуальных подходов к пониманию государства и права – евразийского и либерального [7; 8].

В рамках евразийской философии государства и права первой половины XX века была обоснована идея особой природы государственности России и российской специфики отраслей права, обусловленной ее культурной и цивилизационной составляющей. Евразийцы (Л.Н. Гумилев, Н.Н. Трубецкой, Н.Н. Алексеев и др.) признавали ценность западноевропейской политико-правовой системы, основанной на римском праве, но указывали на необходимость параллельного существования других политико-правовых систем. Выделяя особенные черты российского правового менталитета, евразийцы настаивали на ограниченности радикального европоцентризма, отождествляющего государство и право любой страны с западноевропейскими моделями [7]. В основе евразийского взгляда на государство и право лежало синтезированное восприятие социально-политических, религиозных, этнических проявлений государственности России: приоритет духовной жизни над всеми остальными благами, включая материальные, познание мира на основе интуиции, соборность как один из видов коллективного сознания, социальная справедливость, открытость и отзывчивость [8].

Выработанный в зарубежной политической и правовой литературе (Дж. Локк, Т. Пэйн, Т. Джефферсон, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, Вольтер, Г. Гроций) либеральный подход к государству и праву представляет собой противоположный евразийскому подход. В его основе лежит другое направление христианства – протестантизм, где реализуется идея о рациональном постижении Бога человеком, изучении Священного Писания,

рациональной логике. Личность является самостоятельным субъектом познания, определяет вектор такого познания и его пределы. Истина, совесть, справедливость, правда в рамках этой концепции не имеют ценности и представляют собой набор эгоистических установок ведущих расследование лиц и судей [8].

В закрепленном в ст. 6 УПК РФ назначении уголовного процесса реализуются ценности либерального подхода. Самоцелью процесса осуществления правосудия по уголовным делам стало соблюдение формальной процедуры, где стороны обвинения и защиты будут иметь равные процессуальные права, тем самым будут реализованы интересы каждого субъекта уголовно-процессуальной деятельности. О нацеленности уголовного процесса лишь на соблюдение его формальной стороны свидетельствуют внедренные показатели эффективности уголовного преследования. Фигурант дела – конкретный человек, его судьба подменяется термином «показатель», который реализовывается в обвинении или прекращении производства по нереабилитирующим обстоятельствам [9; 10].

Сопоставление теоретических положений евразийского и либерального подходов к государству и праву показало, что евразийский подход более адекватно отражает ценности правового менталитета россиян. Именно в рамках евразийского подхода уголовный процесс получает черты, отражающие особенности государственности России.

Определение правового менталитета россиян как фактора эффективности уголовно-процессуальной политики

В России правовая норма исторически имеет тесную связь с нормами морали, обычаями, религией, идеологией, поэтому реализация норм закона без поддержки иных регуляторов общественных отношений затруднена, а юридический формализм воспринимается как зло и несправедливость. Ценность права в национальном правосознании традиционно осознается не как обеспечение формальной законности, а как достижение ею тождественности с глубинным образом жизнепонимания – от исполнения закона можно легко отказаться, если он перестает быть формой жизненного уклада людей [11].

В последнее время в среде научной общественности все больше внимания стало уделяться вопросам правового менталитета и его влияния на реализацию правовых норм различной отраслевой принадлежности [12]. Правовой менталитет гражданина, включенный в содержание правового сознания, является глубинным слоем, объединяющим правовое бессознательное, правовые идеи, установки, характерные для культурной общности на протяжении ее существования [13]. Учет этого фактора обуславливает успех правовых реформ и преобразований.

Проблема национального менталитета и реформ, проводимых в обществе, представляется актуальной, поскольку правовые институты, привнесенные из чуждой цивилизации как один из элементов культуры, как правило, не воспринимаются народом. Каждый народ, взятый в отдельности, наделяет особым смыслом свои начинания, формирует представления о государственной власти, правовом положении личности в обществе, межличностных отношениях. Захватывая бессознательное, менталитет выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, свойственные конкретному обществу и культурной традиции [2].

Правоприменители также являются носителями национального правового менталитета, поскольку профессиональное правосознание правоприменителей формируется не только в процессе профессиональной деятельности. Являясь частью общего правового сознания, профессиональное правосознание неизбежно испытывает на себе воздействие экономических, политических, духовно-культурных и иных условий жизнедеятельности общества в целом [13].

Систематизируя позиции, изложенные в научной литературе, можно выделить несколько факторов формирования менталитета российской нации: религиозный, географический, взаимных прав и обязанностей государства и личности, значимости права в обществе [2].

Государственность и право Руси исторически формировались под франко-норманским влиянием. Благодаря особенностям территориального расположения Древней Руси («путь из варяг в греки») сложилось тесное взаимодействие с Византией, являвшейся частью мировой греко-римской цивилизации. Особую ценность для формирования правовых норм, регулирующих отношения в Древнерусском государстве, представляли русско-византийские договоры X в., которые были составлены на основе византийских доктрин [5]. Принятая Русская Правда, действовавшая до XIV в., также основывалась на византийских положениях, касавшихся и процессуальных норм.

Коллективизм исторически обусловил организацию общины на Руси. Государство являло собой слаженную систему подчиненных общин, в которых выделялись община старшего города и подчиненная ей младшая сельская община. Общинный уклад русской жизни был закономерным и оправданным результатом культурно-исторического развития России, на него повлияли особые природно-климатические условия, необходимость освоения больших территорий, постоянные нападения соседей. Специфика жизненных условий обусловила для русских необходимость держаться сообща, совместно обороняться и жить. Общинная форма жизни дала русскому человеку возможность освоить самые тяжелые для жизни земли. Коллективизм, соборность дали обществу чувство защищенности и уверенности в жизни, исключившие индивидуализм, этническое превосходство, исключительность [14].

Выбор православной веры был обусловлен ожиданием Руси получить те религиозные ценности, которые были способны удовлетворить назревшую общественную потребность в поиске правды. В процессе развития древнерусского права образовалось устойчивая связь юридических явлений и нравственности, что на долгие годы определило черты российского правосознания [2]. Именно поэтому понятия «закон», «право» в русской правовой картине мира включают в себя не только термин «юстиция», но и совесть, справедливость, правду [15]. Национальный правовой менталитет является необходимым базисом, над которым выстраивается соответствующая правовая надстройка. При этом под воздействие правового менталитета подпадают системообразующие части уголовного процесса.

Установление фактических обстоятельств произошедшего как цель уголовного судопроизводства является отражением национального правового менталитета, устремленного к правде, когда структура досудебного и судебного производств уголовного процесса обеспечивает установление истинных обстоятельств произошедшего и справедливости за счет многократной проверки фактов в разных процедурах и разными должностными лицами [5]. Для обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности в основу мышления должностных лиц и органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, должны быть положены ценности, входящие в российский правовой менталитет.

Цель современного уголовного процесса России

Устремленность уголовного процесса к установлению материальной истины объективно сформировалась в ходе его развития. Лишь дважды естественный путь развития отечественного права был приостановлен попыткой создания уголовного процесса состязательного типа с установкой на достижение формальной истины – в период реформ Александра II и в период новейшей истории с момента принятия УПК РФ 2001 г. [2].

Процесс познания, который реализуется в уголовном судопроизводстве, объективно имеет целью установление событий, которые имели место в действительности. В противном случае о законности, справедливости, обоснованности решения по уголовному делу речи не идет. Достижение истины как естественная цель уголовного процесса не исчезло из УПК РФ. Об этом свидетельствуют многочисленные нормы об участии понятых в следственных действиях (ст. 170 УПК РФ); о требованиях к процессуальным документам, выносимым в ходе уголовного процесса, а также к приговору (ст. 7, 297, 299 УПК РФ); нормы, регулирующие производство в суде с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ); процессуальные гарантии при производстве следственных действий, направленные на получение достоверной информации для целей доказывания (ст. 29, 182, 193 УПК РФ); существование возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, когда исследуются факты, неизвестные суду, но существовавшие в момент произошедшего события и напрямую влияющие на него.

В единстве цель и задачи образуют целеполагание деятельности, поэтому для реализации цели уголовного процесса перед правоприменителем в законе должны быть поставлены конкретные задачи.

В руках государственных органов относительно розыскного уголовного процесса сосредоточена большая власть, что потенциально влечет возможность злоупотребления этой властью. Поэтому с точки зрения задач уголовно-процессуальной деятельности они должны реализовывать установление истины и гарантировать защиту прав человека, иначе уголовное судопроизводство скатывается к произволу и массовым репрессиям, характерным для тоталитарных государств. В отличие от задач розыскного процесса в состязательной модели уголовного процесса, цель уголовного судопроизводства реализуется через другие задачи: обеспечения равных возможностей сторон и роли суда как независимого арбитра. Поскольку исторически обусловленной формой уголовного процесса является процесс смешанный, с выраженными розыскными началами досудебного производства, то и цель, и задачи уголовно-процессуального закона должны быть типичными для этой формы процесса.

В УПК РСФСР 1960 г. не содержалось нормативного определения цели уголовного процесса, однако однозначно закреплялись его задачи (ст. 2 УПК РФ), которые реализовывались на разных стадиях и разными субъектами уголовного процесса. Фактически в советском уголовном процессе выделялась иерархия целей: общая цель, свойственная всему уголовному процессу, и подчиненные цели, типичные для отдельных стадий процесса и отдельных процессуальных действий. Как представляется, такой подход стал компромиссным, что позволило отделить общую цель процесса от тех задач, которые реализуются отдельными участниками процесса на конкретных стадиях.

На основе вышесказанного полагаем, что определение в УПК РФ цели уголовно-процессуальной деятельности должно иметь нравственные ориентиры для правоприменителей, которые бы соответствовали национально-правовому менталитету. Продуктивным представляется следующее определение цели уголовного судопроизводства: «Цель уголовного судопроизводства складывается из обязанности уполномоченных должностных лиц принять все предусмотренные законом меры для правильного разрешения дела, исследования доказательств, обосновывающих как виновность подозреваемого, обвиняемого, так и оправдывающих его в случае установления смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств и дачи им верной правовой оценки».

В УПК РФ также должны быть закреплены задачи уголовно-процессуальной деятельности, к которым следует отнести: установление виновного и назначение ему наказания; оправдание невиновного и его реабилитация; установление фактических обстоятельств произошедшего; защита прав и свобод личности.

Место состязательности в структуре уголовно-процессуальной деятельности

После нескольких десятилетий применения УПК РФ, несмотря на введение в текст закона ст. 15 УПК РФ, стороны обвинения и защиты не получили равных прав в досудебном производстве. Следователь и дознаватель самостоятельно направляли ход расследования и принимали решение о приобщении материалов к уголовному делу, а защитник не имел права вести адвокатское расследование. Институт судебного контроля и независимость суда при состязании обвинения и защиты заняли незначительное место и не получили достаточного развития, как того хотел законодатель. Система уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не приняла идеи состязательности и по-прежнему выстраивается на основе розыскных, не состязательных начал.

Состязательные процедуры, нашедшие наибольшую реализацию в институте дел частного обвинения и в производстве в суде с участием присяжных заседателей, не востребованы на практике.

Последние несколько лет на уровне научных предложений и законодательных инициатив предлагается

перевод оставшихся трех составов дел ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 УПК РФ в категорию дел частно-публичного обвинения [16]. Фигуру частного обвинителя предложено ликвидировать. Отсутствие предварительного расследования и обязанность частного лица поддерживать обвинение в суде сначала привели к уменьшению количества дел, отнесенных к делам частного обвинения, а в перспективе приведут к исключению из УПК РФ всех особенностей производства по делам частного обвинения.

Одним из производств, где в наиболее концентрированном виде реализуются процедуры состязательного уголовного процесса, является производство с участием присяжных заседателей. Однако последние изменения уголовно-процессуального закона, затрагивающие это производство, а также обобщение судебной практики дают основание говорить о снижении востребованности этого института в целом, а также об отказе от ряда состязательных процедур внутри этого производства в частности. Анализируя изменения в УПК РФ за последние годы, можно проследить очевидную тенденцию на сокращение подсудности уголовных дел суду присяжных – с 70 составов преступлений в 2002 г. до 35 в 2022 г. Таким образом, перечень составов преступлений, рассматриваемых присяжными, уменьшился вдвое. Другим подтверждением общей тенденции является отказ законодателя от классической модели коллегии присяжных заседателей. В настоящее время для вынесения оправдательного вердикта присяжных необходимо 4 голоса для областных и равных им судов и 3 голоса для районных судов, что облегчает воздействие одной из сторон на присяжных [17].

На практике сформировалась опасная тенденция ухода судов от оправдательных вердиктов, на что указала Федеральная палата адвокатов РФ. Значительные нарушения сосредоточены на негласном воспрепятствовании нормальному функционированию коллегии присяжных заседателей на этапах вынесения и оглашения вердикта, активно апробируются «организационные меры» воспрепятствования судопроизводству с участием присяжных заседателей. Наиболее распространенным способом противодействия вынесению оправдательного вердикта является роспуск коллегии присяжных заседателей после вынесения вердикта в стадии ознакомления с ним председательствующего по делу судьи. Не единичны случаи, когда председательствующий по делу, получив из рук старшины оправдательный вердикт, откладывает его оглашение на другой день без объяснения причин, мотивируя это тем, что вердикт неясен, противоречив и требуется дополнительное время для его изучения[1].

С другой стороны, розыскные процедуры и производства имеют тенденцию к расширению и востребованы на практике.

Институт сокращенного судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением остается чрезвычайно востребованным, несмотря на снижение количества уголовных дел, рассмотренных в этом порядке, с 70 % от всех дел в 2018 г. до 40 % в 2022 г. [18].

Определив место состязательности в качестве принципа максимума для всего уголовного процесса, законодатель допустил методологическую ошибку, очевидность которой подтверждена более чем двадцатилетним периодом применения УПК РФ.

Разработчики концепции судебной реформы, движимые позитивными помыслами, поверили в предложенное Западом понимание справедливости как равенства прав сторон в состязательной процедуре рассмотрения дела. По мнению западных правоведов, благодаря равенству оружия в суде достигается соответствие между деянием и воздаянием, между виной и ответственностью [10]. В момент принятия УПК РФ также представлялось, что либеральная идеология сможет обеспечить максимальную свободу человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальный правовой менталитет является глубинным слоем, объединяющим правовое бессознательное, правовые идеи, установки, характерные для культурной общности на протяжении ее существования. Для успешности реформ, проводимых в публичной сфере, методология отечественной уголовно-процессуальной науки должна соответствовать культурно-историческому наследию и духовно-нравственному основанию народа.

Определение в УПК РФ цели уголовно-процессуальной деятельности должно иметь нравственные ориентиры и отражать специфику процессуальной формы, типичной для романо-германской традиции. Досудебное производство должно быть организовано по розыскной форме, в судебном производстве должна быть реализована состязательная форма.

По результатам исследования сформулировано следующее определение цели уголовного судопроизводства: «Цель уголовного судопроизводства складывается из обязанности уполномоченных должностных лиц принять все предусмотренные законом меры для правильного разрешения дела, исследования доказательств, обосновывающих как виновность подозреваемого, обвиняемого, так и оправдывающих его в случае установления смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств и дачи им верной правовой оценки».

УПК РФ должен быть дополнен задачами уголовно-процессуальной деятельности, реализуемыми на разных стадиях и разными субъектами уголовного процесса, к которым следует отнести: установление виновного и назначение ему наказания; оправдание невиновного и его реабилитацию; установление фактических обстоятельств произошедшего; защиту прав и свобод личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головко Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118. DOI: 10.31857/S013207690009942-8.
2. Барабаш А.С. Ментальная обусловленность материальной истины в уголовном процессе России // Правоохранительные органы: теория и практика. 2013. № 1. С. 65–67. EDN: THFDMN.

[1] *Бутовченко Т.В. Суд присяжных: ожидание и реальность // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/sud-prisyazhnykh-ozhidaniya-i-realnost/.*

3. Вершинина С.И., Лазарева В.А. О качестве российского уголовного судопроизводства с позиции системы менеджмента качества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4. С. 51–66. EDN: BAIYCU.
4. Лазарева В.А. Уголовный процесс ≠ уголовное судопроизводство // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17.
5. Азарёнок Н.В. Методологические основы определения цели отечественного уголовного процесса // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 611–620. EDN: SBLITY.
6. Вершинин И.Л., Кожевников Р.О. О системе целеполагания в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-5-12.
7. Суслонов П.Е. Евразийская философия государства и права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 22–26. EDN: STWPOL.
8. Тарасов И.С. Совесть следователя и судьи при оценке доказательств в уголовном процессе: морально-нравственный аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 3. С. 242–246. EDN: SYSJAI.
9. Дорошков В.В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2019. № 7. С. 3–11. EDN: ROKKCE.
10. Черновский А.К. Психологическая структура судебной деятельности // Образование и право. 2013. № 11. С. 30–44. EDN: RUJDEL.
11. Агутин А.В. Символы русского уголовного процесса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 41–53. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-3-4.
12. Овчиев Р.М. Правовые традиции и модернизация российской правовой культуры // Философия права. 2006. № 4. С. 93–96. EDN: VWXYQH.
13. Ветрова О.А. Роль правосознания сотрудников органов внутренних дел в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 196–200. EDN: TMEWEN.
14. Кожевникова Т.М. К вопросу о природе русского коллективизма // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 75–77. EDN: PCEYOZ.
15. Глазкова С.Н. Закон и порядок через призму современного русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12. С. 56–61. EDN: YLQNMS.
16. Азарёнок Н.В. Поможет ли исключение дел частного обвинения из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жертвам домашнего насилия? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 5–9. EDN: NETUTR.
17. Слабоспицкая А.С., Пестовская Ю.А. Некоторые проблемы, связанные с производством в суде с участием присяжных заседателей, и их перспективные решения // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2023. № 2. С. 49–53. EDN: LJAGAJ.
18. Тонков В.Е. Особый порядок судебного разбирательства: влияние сокращенной формы судопроизводства на реализацию конституционных принципов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 2587–2591. EDN: TFWUYJ.

REFERENCES

1. Golovko L.V. State participation in the criminal procedure: from “equality of arms” to realistic theories. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 6, pp. 107–118. DOI: 10.31857/S013207690009942-8.
2. Barabash A.S. Mental conditioning of material truth in the criminal process of Russia. *Pravookhranitelnye organy: teoriya i praktika*, 2013, no. 1, pp. 65–67. EDN: THFDMN.
3. Vershinina S.I., Lazareva V.A. On the quality of Russian criminal proceedings from the perspective of the quality management system. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitelnaya praktika*, 2023, no. 4, pp. 51–66. EDN: BAIYCU.
4. Lazareva V.A. Criminal procedure ≠ criminal justice. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17.
5. Azarenok N.V. Methodological foundations for determining the goal of russian criminal proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 611–620. EDN: SBLITY.
6. Vershinin I.L., Kozhevnikov R.O. On the goal-setting system in the Russian criminal procedure. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 4, pp. 5–12. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-4-5-12.
7. Suslonov P.E. Eurasian philosophy of state and law. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 22–26. EDN: STWPOL.
8. Tarasov I.S. The conscience of an investigator or a judge when assessing evidence in criminal proceedings: the moral aspect. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 242–246. EDN: SYSJAI.
9. Doroshkov V.V. Worldview approaches to adversariality in criminal proceedings. *Mirovoy sudya*, 2019, no. 7, pp. 3–11. EDN: ROKKCE.
10. Chernovskiy A.K. Psychological structure of trial judging. *Obrazovanie i pravo*, 2013, no. 11, pp. 30–44. EDN: RUJDEL.
11. Agutin A.V. Symbols of the Russian criminal process. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2021, no. 3, pp. 41–53. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-3-4.
12. Ovchiev R.M. Legal traditions and Russian legal culture modernization. *Filosofiya prava*, 2006, no. 4, pp. 93–96. EDN: VWXYQH.
13. Vetrova O.A. The role of justice of the police in law enforcement. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 12, pp. 196–200. EDN: TMEWEN.
14. Kozhevnikova T.M. To the issue about the nature of Russian collectivism. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2012, no. 2, pp. 75–77. EDN: PCEYOZ.
15. Glazkova S.N. The law and order in modern Russian. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 12, pp. 56–61. EDN: YLQNMS.
16. Azarenok N.V. Will the exclusion of private prosecution cases from the criminal procedure code of the Russian

Federation help victims of domestic violence? *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, no. 2, pp. 5–9. EDN: NETUTR.
17. Slabospitskaya A.S., Pestovskaya Yu.A. Some problems associated with jury proceedings and their prospective solutions. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*, 2023, no. 2, pp. 49–53. EDN: LJAGAJ.
18. Tonkov V.E. Special court proceedings: the influence of an abridged form of court procedure on the implementation of the constitutional principles. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2014, no. 11, pp. 2587–2591. EDN: TFWUYJ.

The influence of legal mentality on the type of criminal proceedings in Russia

© 2024

Lyubov A. Shestakova, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6374-1880

Received 12.02.2024 *Accepted 14.03.2024*

Abstract: The paper analyzes the prospects for the development of a new criminal procedural law to replace the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001, which has lost its consistency. Using legal methods of scientific research, as well as the cultural method, the author analyzes the purpose of criminal procedural activity, the historical background of its formation and consolidation, as well as adversariality as an ideal form of contemporary criminal procedure. The paper shows that liberal legal values enshrined in the form of the purpose and system of principles of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 do not reflect the real interests of Russian society in the public sphere. Believing that determining the purpose of the criminal procedure and the place of adversariality in the system of its principles is a methodological mistake of the legislator, the author makes a number of conceptual proposals for improving the criminal procedure law. The author proposes to clarify the formulation of the goals and objectives of criminal proceedings, taking into account the specifics of the legal mentality of Russians. When formulating the purpose of criminal procedural activity, it is necessary to indicate the tendency of the criminal procedure to identify correctly the factual circumstances of what happened achieved through repeated verification of the facts in different procedures and by different officials. The tasks of criminal procedural activity formulated in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should be implemented in pre-trial and judicial proceedings by different criminal procedure subjects. It is proposed that the tasks of criminal procedural activity should include identifying a guilty person and assigning punishment to him; acquittal of an innocent person and his rehabilitation; identifying the factual circumstances of an incident; protection of individual rights and freedoms. Adversariality should be excluded from the criminal procedure principles, and the criminal procedure itself should be organized according to a mixed type with investigative pre-trial proceedings and adversarial judicial proceedings.

Keywords: criminal procedure; purpose of criminal proceedings; principles of criminal procedure; competitiveness; Romano-Germanic legal family; legal mentality; legal awareness; criminal proceedings appointment.

For citation: Shestakova L.A. The influence of legal mentality on the type of criminal proceedings in Russia. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2024, no. 1, pp. 28–34. DOI: 10.18323/2220-7457-2024-1-28-34.

НАШИ АВТОРЫ

Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент,
исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права,
главный научный сотрудник.
Адрес: Институт государства и права РАН,
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Моисеева Валентина Юрьевна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: upik85@yandex.ru

Романова Вера Витальевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: vera1704@yandex.ru

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

Шестакова Любовь Александровна, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.
Адрес: Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

OUR AUTHORS

Mikhailova Ekaterina Vladimirovna, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor,
Acting Head of the Procedural Law Sector, chief researcher.
Address: Institute of State and Law of RAS,
119019, Russia, Moscow, Znamenka Street, 10.
E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Moiseeva Valentina Yuryevna, PhD (Economics),
assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law".
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: upik85@yandex.ru

Romanova Vera Vitalyevna, PhD (Law),
assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law".
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: vera1704@yandex.ru

Shestakova Lyubov Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse, 34.
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Skvoznikov Aleksandr Nikolaevich, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair "Constitutional and Administrative Law".
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: skvoznikov2003@mail.ru